

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ИМПЕРСКИЕ ВЕДЬМЫ

ЭКСМО

Святослав Логинов

Имперские ведьмы

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119429

Имперские ведьмы: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-04999-1

Аннотация

Ему был нужен штаб: знатное офицерье, столетиями ведущее войну чужими руками, войну не ясно с кем и за что, зажавшее вселенную в имперские тиски. Пусть они хоть раз узнают, что такое грохот настоящего взрыва, и как пахнет не чужой, а собственный страх. Скинувший ментальный поводок, спасенный от смерти ведьмой, открывший новую вселенную, лейтенант Влад Кукаш начинает атаку во имя спасения, во имя свободы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	57
Глава 6	69
Глава 7	78
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Глава 1

И ведь не придерешься, объявилась Кайна с самыми добрыми намерениями: предупредить, что из глубин всплывает Великий кракен. А чего предупреждать? И без того все кругом вопит на разные голоса: «Кракен проснулся! Великий кракен всплывает!» Глухим надо быть, чтобы не услышать. И только глупый поверит в Кайнину заботливость; просто-напросто захотелось Кайне полюбоваться чужой неудачей, посочувствовать на словах, не скрывая ехидной улыбочки. Еще бы!.. Это же какое удовольствие: посмотреть, как гонористая девчонка, впервые высунувшая нос за порог дома, будет что есть сил улепетывать обратно, не добыв ничегошеньки, так что придется дурехе чуть не полсотни лет копить силы для нового полета. А удачливая Кайна, у которой уже сейчас в запасе не меньше десятка вылетов, будет притворно охать и повторять при каждом удобном случае: «Говорила я, рано тебе из дому вылетать, поучись еще годик-другой. А не послушалась доброго совета, так теперь – полвека сиди». И не возразишь, не огрызнешься, ты теперь никто и звать тебя никак, летучее имя Чайка дано тебе в насмешку, сиди и смотри, как другие летают. Обессилевшее помело в угол поставь, а хочешь – чисти им половики, на это оно еще сгодится.

– Пошевеливайся, милая! – звучал в ушах голос Кайны. – Тут не абы кто, сам Великий идет! Такое творится – страх

глядеть! Поспешай!

А погода как назло – добычливая, ветер крепчает с каждой минутой, бьет рывками, закручивается в дикий ураганный глаз. Мелкий сор сгорает в его порывах бессмысленными искристыми вспышками. А вон и бирюзовая змейка скользнула, та, что дает помелу силу полета. Чайка метнулась в сторону и поймала змейку, словила голой рукой, как не всякая бывалая ведунья сможет. Одна бирюзовица есть, значит, дома годом меньше сидеть, если, конечно, успеешь вернуться. Сейчас счет идет на мгновения, не на годы...

– Что ты делаешь, дура! – восторженно вопила Кайна. – Сожрет!

Чайка не слушала. Она сама видела, что мироздание ежесекундно готово треснуть, выпустив из глубин потустороннего алчущее исчадьё тьмы. Ведьмы называли его кракеном, а каков он на самом деле, никто не знает. Если кто и успел увидеть, уже никому не расскажет. Кракен являлся отовсюду и если не хватал сразу, то лишь для того, чтобы жертва успела прочувствовать весь ужас своего положения.

– Беги! – заливалась Кайна. Ах, как она будет рассказывать о гибели товарки, о том, как предупреждала и старалась помочь, как будет живописать последний вопль погибающей!

Душа ныла в предчувствии гибели, кракен был уже почти здесь, и не какая-то мелюзга, с которой можно поиграть в смертельные пятнашки, а Великий кракен, не оставляю-

щий ни единого шанса. Бирюзовица раздувалась вокруг запястья и шипела. Чайка напряглась, готовясь к последнему рывку, который еще может спасти ее... и тут... огненная полоса прочертила бледное пространство над ближайшим островком.

Ошибиться было невозможно: на пустынный, ничем не примечательный и никому не нужный островок падала ступа. С первого взгляда было видно, что хозяйки у нее нет и ступа не летит, а именно падает, гонимая разыгравшимся штормом.

Ступа – мечта каждой ведьмы. Ее невозможно сделать самой, ее не добудешь никакой волшебной заклинаниями. Ступу можно только найти и взять с бою. Ступа – это не безобидная энергетическая змейка, что так грозно шипит, когда схватишь ее голой рукой, ступа – сильное и опасное животное, которое непросто усмирить и заставить служить себе, случается, поединок заканчивается не в пользу наездницы. Что бывает дальше – предсказать нетрудно: ступа – хищник и глотает добычу целиком. Преимущество ведьмы в скорости, необъезженная ступа глупа и неповоротлива, но, чтобы взять ступу живьем, нужно приблизиться вплотную, и в этот момент зверь способен на любые неожиданности. И уж разумеется, никто не станет устраивать поединок за минуту до появления Великого кракена. Кракен сожрет твою сущность, высосет до дна и кинет на ветер пустую шкурку. Именно этим словом, цинично и безжалостно, ведьмы называют

тела погибших сестер.

– Беги!.. – визжала Кайна из своего безопасного убежища, и именно этот взвизг заставил Чайку решиться на безумный поступок. Заложив крутой вираж, она метнулась наперерез падающему сокровищу.

Кайна захлебнулась от восторга и ужаса.

Ступа снижалась катастрофически быстро. Ураганный ветер, который лишь бодрил несущуюся на помеле ведьму, был смертельно опасен для неповоротливого зверя. Видимо, ступа пыталась укрыться на острове, но не сумела справиться с разыгравшейся круговертью, и теперь ее мгновения были сочтены. Как, впрочем, и мгновения Чайки. Только ступу убьет тайфун, а Чайку – кракен. Смешно, тупая зверюга скорей всего даже не заметит прихода inferнального чудовища. Кракен жрет лишь тонкую материю, грубая плоть ступы ему не по зубам, зато тайфун, такой красивый и безопасный, сейчас раздробит беспомощного зверя о скалы.

Если бы не кракен, какая славная получилась бы охота!

Мощный импульс, посланный Чайкой, задержал падение ступы ровно настолько, чтобы она сумела выровнять полет, а затем сама Чайка окунулась в искристый туман, ореолом окружавший остров. Великий кракен наконец вырвался на волю, и Чайка чудом успела нырнуть к поверхности. Конечно, кракен может достать ее и здесь, но для этого ему нужно учуять силу заклятий или услышать отзвук летящего помела. Просто так на сушу кракен не полезет.

Теперь Чайка тоже падала, бестолково кувыркаясь в воздухе. Главное сейчас – не выдать себя ни единым заклятием, а потом, когда кракен уйдет, попытаться найти ступу. Если, конечно, ступа тоже останется жива. Кроме того, шторм может прекратиться прежде, чем Великий уберется восвосяси, и тогда ступа попросту улетит, провожаемая бессильным взглядом Чайки. А с другой стороны, едва владыка бездны скроется в потустороннем нигде, сюда ринутся все сестры, и ни одна из них не захочет помочь Чайке, все примчатся, мечтая о легкой добыче: одинокая ступа, отбившаяся от стада, уставшая, потрепанная бурей, возможно, раненая – как просто будет заполучить ее! А Чайка так и останется на этих бесплодных камнях, где загнетса благополучно через некоторое время от голода и тоски. Самой отсюда не улететь, а товарки ради неудачницы помелом не шевельнут. Значит, падай, но примечай, куда тянется дымный след от завалившейся ступы.

Эти мысли отстреливались тренированным мозгом едва ли не одновременно, в такт кувыркам. Затем – единственный рывок ожившего помела, чтобы хоть немного приостановить падение, после чего Чайку припечатало к земле. Хорошо припечатало, почти как упавшую где-то неподалеку ступу. Если бы не исконные ведьминские умения, то и костей бы не собрала. Но и так досталось серьезно, яму выбила в красноватой глинистой почве метра полтора глубиной. Правый бок будет целую неделю ныть, а синячище с плеча,

которому достался главный удар, не сойдет целый месяц.

«До самой смерти», – уточнила Чайка, выбираясь из ямы.

Далее предстояло идти пешком, рискуя попасть на обед какой-нибудь плотоядной живности, поскольку любое защитное заклинание может привлечь кракена, который бушует совсем рядом и до сих пор не объявился здесь исключительно из нелюбви inferнального гостя к грубым вещам, слагающим этот и все иные острова.

Погашенное помело Чайка закинула за спину, а бирюзовицу оставила на руке. Колдовской сути в змейке не больше, чем в молнии, так что кракена она не привлечет, а вот отбиться от любителей мяса поможет, поскольку не одушевленную ведовством плоть бирюзовица сжигает не хуже все той же молнии. Жаль тратить единственный резерв на какого-нибудь саблезубого дурака, но тут мнение Чайки никто не спрашивает. Некому спрашивать...

Сборы заняли три минуты. Теперь Чайка и впрямь никто и звать ее никак. Таких даже кракен не ест. Жаль только, что ступу обуздать такой боец не сможет ни при каком раскладе.

Ступа вообще зверь необычный. Неповоротливые громады, закованные в прочный панцирь, обычно держатся стадами, где их практически невозможно взять. И почти всегда вокруг стада вьются стремительные и безумно опасные драконы...

Еще одно дивное существо, обитающее в пространстве, давний и почти неуязвимый враг. Единственный враг во Все-

ленной. Если кракен выплывал и жрал, не глядя, если дикие ступы огрызались, но почти никогда не нападали первыми, то драконы, судя по всему, сознательно охотились за сестрами, пожирая отчаянных наездниц или сжигая их струями голубого огня. Единственным спасением для наездницы на помеле было бежать стремглав, словно Великий кракен выплывает из своих глубин. Драконы – стремительные и умелые охотники – все же уступали в скорости ведьмам, а задеть крошечную фигурку огненным плевком почти невозможно, так что столкновения обычно заканчивались вничью. В открытом бою противостоять дракону могла только ведьма в ступе: заглотить массивную ступу дракон не мог, а прожечь панцирь прирученного зверя не так просто. Вот только зачем ведьме схватываться с драконом, если она всегда может уклониться от боя?

Поймать дракона живьем или хотя бы заполучить его труп еще не удавалось никому и никогда, так что сестрам оставалось выдвигать остроумные гипотезы о природе этого существа. Одни предполагали в драконах зачатки разума, извращенного и злого. Именно эти качества заставляют драконов ненавидеть истинный разум и беспощадно преследовать сестер, хотя никакой пользы драконам эта война не приносит. Другие, более рациональные ведьмы, считали, что на самом деле драконы и ступы представляют собой самцов и самок одного вида. Среди примитивных существ такое встречается сплошь и рядом. Таким образом, поведение драконов ста-

новится вполне объяснимым: активные и деятельные самки защищают свой генофонд.

В любом случае, драконы сейчас Чайку не интересовали. Ей была нужна ступа, одна-единственная, которую предстояло взять голыми руками до того, как кракен бесследно рассеется или, нажравшись, уползет в свое «никуда».

Последний рискованный импульс не только приостановил падение, но и отбросил Чайку в нужном направлении, так что упала она совсем рядом от того места, где грохнулась ступа. По хорошей дороге дойти можно было бы часа за два, Чайка добиралась едва ли не полдня. Хорошо хоть вовсе не потеряла направление, но, по счастью, ближнее чутье не требовало волшебства и верно привело ведьму к цели.

Ступа, громадная, черная, лежала среди скал. Видимо, она пыталась опуститься стоямя, но не удержалась на скользком склоне, завалилась на бок и покатилась вниз, дробя камни. Шрам, прочерченный ступой, тянулся по склону на пятьсот шагов. Скорлупу зверя покрывали вмятины и глубокие царапины, хотя более серьезных ран Чайка не заметила. Чудовищная беззубая пасть была распахнута, но липкий язык, которым ступа захватывает добычу, упрятан внутри и, значит, в любую секунду мог выстрелить навстречу непрошеной гостье. Никаких признаков жизни Чайка заметить не смогла. Возможно, чудовище было оглушено, возможно, затаилось и подманивало неосторожную охотницу поближе, а быть может, просто не выдержало страшного удара и погиб-

ло. Последнее – хуже всего, ибо обещает не просто гибель, а смерть, долгую и мучительную.

В нерешительности Чайка коснулась помела, но тут же отбросила дурацкую мысль. Это уже не риск, а самоубийство... даже отсюда, из глубины острова, видно, как бурлит океанский простор, взбаламученный Великим кракеном. Достаточно взмахнуть помелом или извлечь на свет аркан, и кракен немедля будет здесь. Разве что короткая узда может остаться незамеченной, но узду можно безопасно надеть лишь на усмиренную ступу. А как в присутствии кракена набросить аркан с земли на бесчувственно валяющегося зверя? Задача дважды невыполнимая.

И тогда Чайка совершила уже который кряду безумный поступок. Она просто подошла к бесчувственному зверю и шагнула в открытую пасть, словно ступа уже была скручена арканом, крепко выезжена и усмирена, так что оставалось только взнудать ее по всем правилам.

Конечно, пасть называлась пастью условно, на самом деле это был створ панциря, из которого вылетал липкий язык, и за этим створом имелось несколько объемов, вполне подходящих для жилья. А после того, как ампутировешь язык и органы, позволяющие ступе плевать огнем, внутри станет и вовсе уютненько. Но все это можно делать лишь после того, как на ступу будет накинута настоящая узда. Случалось, зверь, казалось бы вполне усмиренный и скрученный самым жестким арканом, вдруг приходил в себя и проглатывал

вал укротительницу, на миг помешкавшую с уздой.

Как ступа выглядит изнутри, Чайка знала превосходно; выскобленные остовы умерших от старости ступ валялись дома возле каждого жилища, и молоденькие ведьмочки, еще не умеющие летать, ползали по внутренним объемам, раз за разом пытаясь накинуть узду на опустевшую полость, где когда-то находились жизненно важные органы зверя, те, которые нельзя удалять ни в коем случае.

Очутившись внутри, Чайка ринулась именно туда, в святая святых, и с ходу набросила выхваченную узду. И так же, как в детстве, узда соскользнула, не зацепившись ни за что. Внутри не было ничего живого. Более того, последний створ, который даже после смерти ступы оставался наглухо закрытым, на этот раз зиял овальной дырой, и там, внутри, не было ничего, словно погибший зверь растекся лужицей слизи, как бывает только с самыми примитивными моллюсками.

Шершавые стенки полости еще были активны, по ним пробегали всполохи и искры, но во всей этой деятельности не было ни на вздох жизни: хозяин умер, не выдержав слишком сильного удара.

Погасшими глазами Чайка обвела внутренности ступы. Вот здесь скрывается так и не объявившийся язык, которого она опасалась больше всего, тут – огненные железы, и сейчас до предела накачанные ждущим злым электричеством – не успела ступа пустить в ход свое оружие. А это – сфинктерные мышцы, придающие ступе ее неторопливый черепа-

ший ход. Вот сюда можно пристроить помело, и медлительный зверь обретет сказочную стремительность... Не обретет. Ступа умерла.

Чайка медленно выбралась наружу, села на расколотый валун возле самой пасти и разревелась, как не редела со времен самого сопливого детства.

Глава 2

– Осужденный Кукиш!

Не дождавшись ответа, гранд-майор Кальве прошелся вдоль строя и остановился напротив Влада.

– Я, кажется, тебя вызывал!

Влад стоял навытяжку и уставно ел начальство преданным взглядом. Но на прямое обращение ответил строптиво:

– Моя фамилия – Кукаш.

– Кукишем ты был, кукишем и остался, – резюмировал гранд-майор. – Выйти из строя!

Влад отпечатал три четких шага и развернулся.

– Командование базы сочло, что осужденный Кукаш, – зачитывая приказ, даже господин гранд-майор не осмелился исказить фамилию осужденного, – удовлетворительно освоил пилотную подготовку и может приступить к выполнению заданий. Осужденный Кукаш переводится в распоряжение Особого отдела.

Строй смертников не шелохнулся, никто не удивился приказу, его ждали. До того как загреметь под трибунал, лейтенант Кукаш был одним из лучших разведчиков базы, никакой пилотной подготовки ему не требовалось, он сам мог поучить недоумков-инструкторов, объясняющих каторжникам азы пилотирования. И уж, конечно, его не станут тупо использовать в качестве живца; для бывшего аса уготована

куда более причудливая и интересная смерть.

– Поздравляю тебя, Кукиш, – произнес гранд-майор Кальве неуставным тоном. – Тебе предоставляется возможность славно подохнуть. И не думай, что ты избавился от меня: поводочек всегда будет здесь, – Кальве показал обтянутый перчаткой кулак. – Это относится ко всем! – резко выкрикнул он, поворачиваясь к строю. – Будь моя воля, я сегодня же перевешал бы вас всех. Однако война есть война, даже такие отбросы, как вы, могут послужить империи. Все вы рано или поздно улетите с базы, но запомните: любой ваш чих фиксируется на моем мониторе. Если кто-то из вас думает, что, очутившись в космосе, на боевом корабле, он станет свободным, то он жестоко ошибается. Я слежу за каждым вашим шагом, и вы знаете, как наказывают за нарушение дисциплины.

Это знали все.

– Осужденный Кукаш на месте, остальные – кругом! В казарму шагом – арш!

Особист, офицер средних лет и совершенно цивильной внешности, подошел к Владу, коснулся рукава:

– Идемте, лейтенант.

– Осмелюсь доложить, осужденный Кукаш разжалован по приговору военно-полевого суда! – отрапортовал Влад.

– Оставьте, это не имеет никакого значения, – штатский офицер уже шел по плацу прочь от казарм, и Влад, не дожидаясь дополнительного приглашения, поспешил за ним.

Ничего хорошего он не ожидал, но, во всяком случае, мерзавец Кальве уже не сможет по собственному желанию врубить поводок. Все-таки теперь у Влада другое начальство. А второй поводок на человека, хоть умри, не нацепишь. Очень верное выражение: «хоть умри» – и один поводок не всякий выдержит, а два – верная смерть.

Чтобы добраться до места, им пришлось пройти через три контрольно-пропускных пункта, так что в результате они оказались в той части наземной базы, где Владу не приходилось бывать ни в бытность его пилотом, ни осужденным на казнь преступником. Двухэтажный коттедж, куда они в конце концов пришли, стоял отдельно от других зданий, хотя никакой охраны заметно не было.

– Вот ваша комната, – произнес особист, входя в крошечную, метров на пять, каморку. Так же как и Кальве, особист носил звезды гранд-майора, странно было видеть, как высший офицер показывает будущее жилье каторжнику. – Вот форма – переоденетесь. Выходить из здания – нельзя, разговаривать с сотрудниками – нельзя. Завтра в семь утра – инструктаж, послезавтра – первый вылет. А сейчас можете отдыхать.

Уже в дверях он остановился и добавил с улыбкой:

– Я был в офицерском собрании, когда вы съездили по сопатке скотине Кальве. Это было бесподобно! Кальве поручили спровоцировать вас на нарушение субординации, но он переусердствовал и получил по морде. Дело дошло до коман-

дующего, и нам пришлось постараться, чтобы избавить вас от публичной казни. Поверьте, повешение при пониженной гравитации – чрезвычайно долгий и мучительный процесс.

– Так значит, – хрипло спросил Влад, – все было подстроено?

– А вы как думали? – особист притворил дверь и вернулся к столу. – У нас ничего не происходит случайно. Вы были нам нужны, мы вас получили. Способ несколько экстравагантный, но главное, как известно, результат.

– Вам, что же, не хватало добровольцев?

– Ай, – гранд-майор устало отмахнулся. – Эти кретины из корпуса камикадзе... Они могут налетать по десять тысяч часов, но останутся неврастениками, которые ищут только геройской смерти. А нам нужны настоящие пилоты, которые будут не только улетать, но и возвращаться.

– Я говорю о настоящих добровольцах. Объявить пилотам, что ожидается сложное, опасное, но крайне важное задание... да я сам бы вызвался!

– И согласились бы на поводок? – спросил особист с кривоватой усмешкой.

Лицо Влада закаменело.

– Никакому добровольцу нельзя доверять настолько, чтобы отпустить его в одиночный полет на два-три месяца. И это отнюдь не главная причина, почему вы были нужны на поводке.

– Уходите, – ломким голосом произнес Влад, – иначе я

съезжу по сопатке и вам.

Особист выдвинул из-за стола единственный стул, уселся, снизу вверх глянул в лицо Владу.

– Не съездите. И не из-за поводка, а потому, что я говорю вам правду. Жестокую, отвратительную, но правду. А за правду морду не бьют. Ведь вам самому хочется знать все. Тогда будем считать, что завтрашний инструктаж уже начался. Можете задавать вопросы.

– Двухмесячная автономка, как это возможно? – быстро спросил Влад, не успев удивиться странной форме инструктажа. – Торпедники тысячу раз успеют перехватить меня за это время, даже если я полечу на корабле с торпедным ускорителем.

– Вы полетите на обычном патрульном катере с усиленной огневой мощностью, но безо всяких ускорителей. Просто и без затей.

– И первая же торпеда сшибет меня, словно механическую утку в тире.

Гранд-майор покивал, радуясь сообразительности подопечного.

– Тут действительно имеет место некоторый риск, особенно в начальной стадии проекта. Именно некоторый, потому что мы заметили, что при повышенном значении пси-вектора торпедные ускорители дают сбой, а то и вовсе ломаются. Кстати, именно поэтому вы полетите на простом истребителе. Понимаете, лейтенант, при определенном значении

пси-вектора торпедники не летают. Для начала вам предстоит определить это значение.

– Минутку! – перебил Влад. – А как же космический психоз? Пилот-одиночка, повышенный пси-вектор, психологи этого не одобряют. Вы не боитесь, что у меня произойдет нервный срыв и я вам таких делов понаделаю...

– Не боимся. То есть нервный срыв возможен, но делов, извините за выражение, вы не наделаете. Не забывайте про поводок. Если вас не удастся вразумить болевым шоком, гранд-майору Кальве будет отдан приказ убить вас. И он выполнит этот приказ с большим удовольствием.

– Не понимаю, чего ради вы сообщаете мне эти подробности?

– Хочу и в будущем сопеть нерасквашенным носом, – особист обворожительно улыбнулся. – Поэтому говорю правду, только правду, ничего, кроме правды.

– Всю правду?

– Вы желаете слишком многого. Всю правду не знаю даже я. Хотя что касается вас, то тут все просто. Доброволец-смертник в данной ситуации заработает космический психоз со стопроцентной вероятностью. Именно поэтому мы стараемся не летать в эти периоды. Неважно, обуяет его священная ярость или же он впадет в депрессию – результат будет один: мы потеряем корабль и не получим никакой информации. Вы – другое дело. Вы спокойный, уравновешенный человек. Знаете, каких трудов стоило Кальве довести

вас до белого каления? Но чтобы свести вероятность космического психоза до минимума, даже вы должны быть поглощены одним, искренним и незамутненным, чувством. А что может быть искренней ненависти? Поэты вспомнят про любовь, но мы с вами не поэты, мы люди военные, поэтому нам остается только ненависть. Ненависть к исполнительному мерзавцу Кальве, ко мне, ведь это я задумал всю эту авантюру, которая уже стоила вам свободы, а может стоять и жизни, к самой империи, наконец...

Осужденный Влад Кукаш гневно выпрямился, словно лейтенантские погоны еще были на его плечах.

– Прекратите!

– А что я такого сказал? – невинно поинтересовался гранд-майор. – Во время одиночных полетов у вас будет достаточно времени, чтобы додуматься до такой простой вещи. Что дала вам империя? Я знаю, вы хотели стать художником, но пришлось становиться пилотом. Вы послушно стали пилотом, почти смертником, одним из тех, кто принимает на себя удары вражеских торпед, но вас и здесь не оставили в покое. Вы ни в чем не виноваты, вас хладнокровно спровоцировали на необдуманный, хотя и человечески понятный поступок, вас отдали под суд, ошельмовали, приговорили к позорной смерти и в виде особой милости посылают погибать в одиночном полете, посадив на цепь, словно бешеного пса. Государство, которое так поступает с собственными гражданами, не заслуживает любви. Вы скажете, что идет

война. Хорошо, пусть война, но ведь она идет уже триста лет – и каковы результаты? Мы потеряли десятки тысяч кораблей, а сбили, в лучшем случае, несколько десятков. Противник давит нас техникой, в пространстве становится тесно от их торпед. Наша пропаганда хвалится, что мы не уступили ни одной из принадлежащих нам планет, но ведь враг и не пытался атаковать их! Есть даже гипотеза, что планеты вообще не нужны торпедникам, что они всего лишь стараются изгнать нас из космического пространства. Но даже этой гипотезы мы не можем проверить! Мы не знаем ничего о собственном противнике. Мы научились использовать ускорители, снятые с перехваченных торпед, – и это все. Мало-мало для трехсотлетней войны, не находите? Бездарная война, бездарное командование, бездарное государство! Если бы нам удалось обнаружить хотя бы одну их планету... взять хотя бы одного пленного... захватить хотя бы один боевой корабль... Ведь это так просто – если ускоритель, снятый с торпеды, разгоняет до гиперскоростей истребитель, то ускоритель с корабля-призрака разгонит космический крейсер, а то и линкор. И хотел бы я знать, что во Вселенной сможет противостоять такой мощи! Впрочем, это лирика, главное, что государство не вправе рассчитывать на вашу признательность. Теперь, во всяком случае, между вами все обговорено: вы знаете, чего вам ждать от империи, империя знает, чего ждать от вас.

– Если эти разговоры, – медленно произнес Влад, – дойдут

до вашего начальства, боюсь, вам не удастся заменить для себя позорную казнь выполнением какого-нибудь щекотливого задания. Говорят, генерал Мирзой очень не любит подобные беседы и расправляется с виновными беспощадно.

– Это довод, – согласился особист. – С органами безопасности шутить небезопасно, даже если сам работаешь в них. Я рад, что вы это понимаете. Кстати, мы с вами еще не представлены друг другу. Я знаю о вас все, вы обо мне – ничего. Позвольте представиться: начальник Особого отдела генерал-барон Мирзой-бек.

Влад гулко глотнул и сел на запровленную койку. Генерал, благосклонно кивая, смотрел на это грубейшее нарушение дисциплины. Затем произнес:

– Теперь вы знаете, какие силы задействованы в вашем проекте. Не стану врать, что я рискую головой, но рискую многим, так что язык вам лучше держать за зубами. Помните про поводок и майора Кальве. И заметьте, я веду эти недозволенные речи исключительно для того, чтобы свести для вас к минимуму риск заболеть космическим психозом.

«Странно, – подумал Влад, – у генерала совершенно европейская внешность при таком-то имени».

Вслух он сказал:

– А вам не кажется, господин генерал-барон, что, делая ставку на незамутненную ненависть, вы совершаете ошибку? Ведь ради того, чтобы досадить вам, я могу просто покончить с собой. И что тогда?

Генерал вскочил со стула.

– Умница! – проникновенно выговорил он. – Положительно, мы не ошиблись в вас, вы задаете именно те вопросы, какие нужно. Так вот, вы не покончите с собой. Если бы у вас не было никакой надежды – тогда другое дело, но надежда у вас есть. Не забывайте, что во время полета вы будете один, гравигенная связь на таких расстояниях ненадежна, а поводок... это же психотропное устройство, при максимальных значениях пси-вектора он просто не будет работать. Потом, конечно, восстановится и связь, и поводок, так что вам придется давать отчет, чем вы занимались, но тем не менее значительную часть времени вы будете полностью независимы. Кстати, ученые утверждают, что снять поводок абсолютно невозможно: мол, необратимые изменения в мозгу и все такое прочее... Но единственное, в чем я абсолютно убежден: что абсолюта не существует. Завтра на инструктаже вам категорически запретят предпринимать хоть что-то в отношении поводка, но здесь, в приватной обстановке, я благословляю вас на этот подвиг. Снимите – будете свободны. А я буду знать, что такая штука возможна. Это тоже чрезвычайно ценная информация. – Мирзой-бек шагнул через комнату, коснулся дверной ручки. Улыбнулся штатской, не подходящей к мундиру улыбкой. – Вот теперь я рассказал вам все, так что на завтрашнем инструктаже меня не будет. Там дадут технические вводные и наговорят кучу благоглупостей. Не надо перечить инструкторам, к чему смущать

честных офицеров? А послезавтра вы улетите и на время станете свободным. Вы будете улетать все дальше и надольше, выполнять все более сложные задания. Вы отыщете для нас планеты торпедников или их базы, ненавидя империю, вы будете спасать ее, и дрожащий призрак свободы будет светить вам вдали. А я искренне желаю вам удачи.

Генерал вышел, тихо прикрыв дверь. Влад подошел к окну, глянул на улицу. Там темнело, на небе высыпали звезды, и среди них, словно небольшая луна, ярко светился шар Седьмой опорной базы космических войск. Там было его прошлое место службы, оттуда послезавтра он вылетит в свой первый поиск.

Глава 3

Кто-то из богословов прошлого, доказывая истинность Священного Писания, призывал читателя глянуть на небо. Мол, на Земле все изменчиво, временно и преходяще, ураганы случаются, извержения вулканов и землетрясения, а на небеси все движется по раз и навсегда определенным путям, словно в отлаженном часовом механизме. Этого бы ученого дурака посадить на патрульный катер и отправить в свободный поиск... Помер бы, бедняга, со страху вместе со своим богом. И не нужно даже серьезных катаклизмов, никаких взрывов сверхновой, никаких слияний черных дыр, достаточно сближения двух нейтронных звезд, что в плотных скоплениях происходит сплошь и рядом. Беда эта может случиться очень далеко, а отголоски ее аукнутся чуть не за полгалактики. Гравитационное поле начинает непредсказуемо пульсировать, и в такт ему бьется плазма в реакторе, грозя вырваться на волю и испарить корабль. Не хочешь сгорать – глуши реактор и ложись в дрейф, но и это приводит лишь к отсрочке гибели. Обезумевшие звезды испускают потоки гамма-квантов, нейтронов и заряженных частиц, и эта небесная артиллерия за пару суток превращает человеческое тело в комок слизи. Потом, может быть, товарищи найдут твои оплывшие останки и по наведенной радиации определят, как быстро и сколь мучительно ты помирал. Никакая броня не

спасет неудачливого астронавта, настоящей защитой может служить только плотная атмосфера вовремя подвернувшейся планеты. Если, конечно, сподобит счастливый случай добраться туда на барахлящем движке.

Влад Кукаш не доверял счастливым случаям и выбирал маршруты так, чтобы поблизости всегда была система с подходящей планетой. И когда первый толчок заставил взвыть аварийную сигнализацию, нужная планета была в двух часах лета. Едва прошла гравитационная волна, Влад врубил двигатели на форсаж, понимая, что через несколько минут следует ожидать радиационного всплеска, а дальше начнется круговерть, выбраться из которой уже не получится. Поле искусственной гравитации он расширил насколько возможно, чтобы хоть немного прикрыть двигатель от внешних воздействий. Он успел набрать достаточную скорость, чтобы уйти от фронта тяжелых частиц, а гамма-кванты, зацепившие катер через полчаса, на этих скоростях обернулись относительно безобидным рентгеном. За полчаса Влад успел подготовиться к посадке, крепко изругать пропащую жизнь и отправить на базу гравиграмму, хотя у него не было никакой уверенности, что сообщение дойдет. Однако оно дошло, более того, надсадно хрипящий передатчик вдруг взмекнул голосом лорд-капитана Кутерлянда: «Посадку запрещаю!..» – и вновь разразился серией хрипов.

– Ага, запрещаешь! Так я тебя и послушал. Тебя бы сюда, мигом бы в штаны наделал. Не слышал я твоего запрещения,

понял, лорд? Связи у меня нет.

Большим местом всех пилотов было то, что воинский устав обязывал их беспрекословно выполнять указания, присылаемые с базы. Боевой генерал, командующий флотом, должен был подчиняться какому-то майоришке только потому, что тот сидел в штабе и перед званием имел приставку «гранд». А генерал был просто генералом, безо всяких титулов, и с пространством сталкивался вживую.

Космос на экранах пылал. Особо впечатляла гравитационная картина: закручивающийся спиралью смерч, уродливый слепок галактики, сквозь него смутными пятнами просвечивает звезда, к которой он приблизился вплотную, и пара планет, на одну из которых предстоит свалиться. Жесткая область электромагнитных колебаний бьет по глазам мешаниной сполохов, а радиодиапазон залит ровным белым светом. И лишь видимый свет позволял разглядывать безмятежную картину свободного космоса.

Тормозил Влад, прикрываясь гравитационным полем звезды, и к планете вышел совершенно на нулевой по межзвездным понятиям скорости. Теперь, когда его прикрывают магнитные поля звезды и планеты, корпускулярные потоки можно не принимать в расчет, поэтому Влад, не желая рисковать напрасно, вырубил двигатель, позволив истребителю свободно падать на планету. Затормозить он успеет и в атмосфере, а стукнет его все равно прилично, патрульный катер не приспособлен к посадке на планеты земного типа,

особенно если у него не работают гравигенераторы.

За бортом уже начал светиться разреженный газ ионосферы, когда на оптическом экране, единственном, который продолжал служить, Влад заметил косою кометный росчерк. Ошибиться было невозможно, слишком часто за годы службы Влад видел эти росчерки. На перехват падающему кораблю шла вражеская торпеда.

Что представляют собой торпедники, не знал никто. У генерал-барона Мирзой-бека были все основания называть войну бездарной. Триста лет назад имперский флот, идущий на подавление восстания в одной из провинций, был внезапно атакован неизвестным противником. Командование горяча решило, что это новое оружие повстанцев, но потом выяснилось, что мятежные провинции также были атакованы. При этом противника обнаружить не удалось. Светящиеся капсулы, формой напоминающие веретено, были слишком малы, чтобы нести хоть какой-то экипаж. Собственно говоря, они не могли иметь даже двигателя, трехметровая величина просто не позволяла им этого. Тем не менее веретена, тут же прозванные торпедами, не только развивали скорость, тысячекратно превышающую скорость света, но и маневрировали на этих скоростях, посмеиваясь над законами физики.

Поначалу торпедники едва не парализовали всякую жизнь в галактике. В первых же боях были потеряны сотни истребителей, что неудивительно, если учесть, что предельная

скорость имперского корабля в ту пору составляла десять це. Спасало только явное преимущество в огневой мощи. Слабенькие энергетические разрядники, зачем-то имевшиеся на торпедах, не могли причинить никакого вреда кораблю землян, а подойти вплотную к тихоходному броненосцу или крейсеру торпеда не успевала, ее сжигали раньше. Зато истребители, транспортные катера и крошечные исследовательские кораблики гибли пачками. А ведь именно они, а не медлительные летающие крепости осуществляли львиную долю межзвездных перевозок. Яркая точка торпеды сливалась с кораблем, и спустя несколько секунд следовал взрыв. Анализ газов, оставшихся на месте взрыва, неизменно показывал, что взорвались батареи плазменных пушек. Иногда на месте катастрофы находили части корабельного оборудования, но никогда ни единой частицы брони или двигателя. И никаких следов торпеды. Загадка эта оставалась необъяснимой, но и без того ясно, что звездолет, у которого взорвались артиллерийские батареи, будет разрушен до основания.

Казалось, война проиграна вчистую. Капитуляции не было лишь потому, что ее никто не требовал. Единственным положительным следствием войны оказалось то, что перед лицом внешней агрессии сепаратисты уже не смели выступить в открытую. Космические форты, способные выжечь все пространство окрест и потому неуязвимые для торпед, были пусть сомнительным, но единственным гарантом безопасности.

А потом в войне случился если не перелом, то частичное выравнивание сил. Произошло это случайным и совершенно нелепым образом. Исследовательский кораблик, принадлежащий одному из провинциальных университетов, был атакован одиночной торпедой. И на что надеялся молодой профессор биологии, в одиночку отправляясь в опасное путешествие? То есть это как раз понятно – сначала он надеялся проскочить незамеченным, а потом надеяться стало не на что, но умирать не хотелось, и штафирка, лысый очкарик, стал драться. Стрелком он был никудышным, в пять минут расстрелял боезапас единственной пушчонки и, когда торпеда красиво, как на параде, пошла на таран, применил последнее средство, которое оказалось у него, – биоманипулятор.

До той поры биоманипулятор не считался оружием и был принадлежностью не боевых, а исследовательских кораблей. Механизм этот представляет собой упругий липкий жгут длиной около двухсот метров, который наподобие лягушачьего языка выстреливается в сторону добычи. Он с равным успехом может отбирать образцы микрофлоры и спеленать хищного звероящера. Опытный оператор может на расстоянии ста шагов выхватить из роя насекомых заранее указанную мушку, да так, что остальные и не поймут, куда девалась их подруга.

Опрометчивый профессор оказался виртуозом, так что торпеда была крепко спелената во мгновение ока. Она сия-

ла всеми цветами побежалости и всюду хлесталась своими жалкими молниями, но ничего не могла поделать. Так профессор и доставил ее к ближайшей базе, бережно держа на весу и не осмеливаясь втащить страшную добычу в корабль. Это уже потом установили, что пойманная торпеда не взрывается.

Далее пленницей занимались военные, и окончание истории скрыто покровом секретности. Ходят слухи, что разобрать торпеду так и не удалось, а когда после долгих мытарств непроницаемое свечение погасло, на месте торпеды обнаружилась горстка мелкого сора и двухметровая палка, выстроганная из дерева неизвестной породы. Все это, впрочем, относится к области фольклора, после отбоя в казармах кадетских училищ рассказывают и не такое.

Во всяком случае, именно военные обнаружили, что если спеленатую торпеду поместить в створ плазменной камеры, обычный гиперпространственный двигатель начинает развивать непредставимую мощность, а вернее, при той же мощности позволяет кораблю разгоняться до немислимых прежде скоростей, хотя и эта скорость была меньше, чем у торпед.

С этого времени всякий самый незначительный борт оборудовался биоманипулятором, и искусству обращения с ним уделялось не меньше времени, чем огневой подготовке. Началась охота за торпедами, и первые быстроходные истребители появились на театре военных действий. Ими и были

обнаружены корабли-призраки – настоящие корабли торпедников, которых, по словам генерал-барона Мирзой-бека, за всю войну было сбито, в лучшем случае, несколько десятков. А ведь это были не крейсера, а кораблики, размерами не отличавшиеся от истребителей империи. Огневой мощью призраки похвастаться не могли, но их окружало опасное торпедное свечение, и они обладали неприятной способностью исчезать в самые неподходящие моменты, за что и были прозваны призраками. От прямого боя призраки стремились уйти, что было им вовсе не трудно.

Война вновь зашла в тупик, что, кажется, удовлетворяло всех сановников империи, кроме Мирзой-бека – европейца с азиатским именем.

Сталкиваться с торпедой один на один Владу еще не доводилось. Тем более в такой критической ситуации. Обычно пилоты старались не рисковать и держались плотным строем. Охотников получить очередное звание за пойманную торпеду было не так много, и большинство из них ловило торпеду не манипулятором, а собственным бортом. Влад не стремился к воинской карьере и предпочитал не подпускать торпеды на расстояние манипуляторного броска. Но сейчас – совсем иное дело. Торпеда была нужна ему во что бы то ни стало. Торпеды не летают при повышенном пси-векторе, и поводок, нацепленный гранд-майором Кальве, тоже не работает в этих условиях. Значит, между ними есть что-то общее. Помудрить бы с пойманной торпедой, с разрядами, ко-

торыми она стегается, со свечением, а быть может, и с другими свойствами, о которых даже слухи не ходят... Всяко дело, это лучше, чем впусую скрежетать зубами от чистой, незамутненной ненависти.

Краем глаза Влад глянул на указатель пси-вектора, специально установленный на его корабле. Прибор зашкаливал.

Ничего себе – не летают! Хотя эта торпеда и впрямь не летит, она падает, точно так же, как и корабль Влада.

Торпеда скользила в каких-то трехстах километрах, так что оптика позволяла отчетливо видеть ее – крошечную светящуюся сигарку, оставляющую след, слегка напоминающий инверсионный. Спектрометр можно не включать, и так известно – нет там никакого спектра, сплошная белизна, словно радиодиапазон во время космического шторма.

– Посадку запрещаю! – квакнул приемник и захохотал треском помех.

Торпеда вошла в перекрестье прицела, бортовой компьютер замигал зеленым, призывая стрелять, потом обиженно бипнул.

Нет, стрелять нельзя. Даже разбившаяся о камни торпеда ценнее, чем сожженная. Падай, голубушка, падай, а я посмотрю, куда ты упадешь и что там с тобой случится...

В этот момент торпеда ударила.

Никогда прежде торпеды не применяли гравитационный удар против обычного сторожевика. Случалось, уходя от истребителя с торпедным ускорителем, призрак или обычная

торпеда притормаживали его, но ни разу еще земляне не регистрировали такой силы удара. Вероятно, эти энергии и позволяли торпедо совершать лихие развороты. Но сейчас чудовищный удар, способный смять собственное поле катера и размазать Влада по стенкам рубки, пропал втуне. Более того, он притормозил падающий сторожевик, словно приглашая его совершить мягкую посадку. Случайными такие промахи не бывают, Влад понял – его сажают. Что ж, это уже интересно... Терять ему считай что нечего, значит, можно играть в самые рискованные игры.

Второго тормозного импульса владельцы торпеды дать не успели, не смогли или не сочли нужным. Сама торпеда тоже падала, мертво кувыряясь в воздухе и не предпринимая никаких попыток выправить свое бедственное положение. Словно и не она только что тормознула падающий космический катер. Ладно, играйся, сейчас не до тебя, земля уже слишком близко...

Автоматику Влад перебросил на слежение за падающей торпедой, а сам принялся сажать корабль вручную. Справился он с этим идеально, будь на земле захваты наподобие тех, что стоят в посадочных шахтах, истребитель так и остался бы стоять, устремленный носом в зенит и готовый в любую секунду взмыть в небо. Увы, никаких захватов на девственной поверхности не было, и, постояв пару секунд, башня корабля накренилась и загрохотала по склону, пропоров меж камней полукилометровой длины шрам.

Перегрузок Влад не ощущал, но и без того впечатление было не из приятных. К тому же совершенно неясно, как теперь взлетать. Если посадка истребителя на планету с атмосферой весьма проблематична, то самостоятельно взлететь удавалось лишь героям легенд и мифов. Теперь, задним числом, можно понять лорд-капитана Кутерлянда и даже посочувствовать ему. Ради недовешенного смертника посылать спасательную экспедицию, поднимать с поверхности планеты покореженный корабль... беда, морока, головная боль...

Торпеда была потеряна из виду уже в те секунды, когда катер кувыркало по камням. Судя по всему, противник не ожидал от Влада такой зоркости и пытался в последний миг спасти ценное оборудование, однако земля оказалась слишком близко, и торпеда, уже начавшая вираж, все-таки упала в каких-то десяти километрах.

Что ж, это приятно, когда противник, пусть даже бесконечно сильнейший, не ожидает от тебя чего-то, а еще лучше, когда у него, противника, что-то не получается. Такие вещи внушают надежду на добрый исход дела.

Наружу Влад выбрался через амбразуру, предназначенную для действий биоманипулятора. Обычный люк, где имелась кессонная камера, которую можно было бы задраить снаружи, оказался плотно прижат к камням. Проход из боевой рубки, где обитал Влад, в технические помещения был опечатан, так что Влад нарушил еще один строжайший запрет. Но, как говорится, кто не рискует, тот не только не ста-

нет Наполеоном, но и одноименных коньяка с пирожным не попробует.

К месту падения торпеды Влад добежал за два часа. Можно было бы и побыстрее, но все-таки пересеченная местность, да и снимок, сделанный с километровой высоты из падающего корабля, получился не вполне четким. Никакой торпеды найти не удалось, обнаружилась лишь свежая воронка, выбитая в глинистой земле. И еще – цепочка босых человеческих следов на рыхлом отвале, окружающем воронку. Следов, ведущих из центра ямы в сторону его корабля.

Назад Влад примчался, побив все личные рекорды, но все же опоздал. Возле распахнутой амбразуры сидела девчонка лет семнадцати с виду и самозабвенно, в голос рыдала, размазывая слезы по чумазым щекам.

Глава 4

Кракен вовсю бушевал в зените, так что Чайка, оглохшая и ослепшая, заметила чужака, только когда он выступил из-за груды камней, наваленных опрокинутой ступой.

Поначалу Чайка решила, что кто-то из сестер оказался случайно на островке и, заметив падающую ступу, примчался на поживу.

– Опоздала, подруженька, – мстительно произнесла она и, лишь бросив взгляд в сторону гостя, поняла, что ошиблась. Явившийся был слишком высок, широк в плечах и чем-то резко отличался от любой из сестер. Пружинисто вскочив, Чайка изготавилась к бою.

– Тогда уж не подруженька, а мил-дружок, – сказал Влад для того, чтобы что-нибудь сказать. Беспомощная девчонка преобразилась во мгновение ока, зареванное лицо стало холодным и сосредоточенным, ладная фигурка, затянутая в кожаный комбинезончик, напружинилась для стремительного броска, а вокруг левой руки опасно засветились огни Эльма, что так любят изображать кинематографисты и иллюстраторы фэнтезийных романов. Огни эти не понравились Владу больше всего, и он быстро добавил, мотнув головой в сторону неприятного свечения: – Ты это дело погаси, нечего зря электричество тратить.

Говорил незнакомец странно, с силой выдыхая воздух и

производя громкие бессмысленные звуки, но все-таки основной смысл его речей был понятен. Главное, что нападать он не собирался, по крайней мере – сейчас.

Чайка успокоила раздраженно шипящую бирюзовицу и произнесла более миролюбиво:

– А хоть бы и мил-дружок, но ступа-то все равно сдохла. Так что мы оба на бобах остались.

Мил-дружок ничего не понял. Он стоял, переводя взгляд с перемазанного лица на лоснящуюся кожу комбинезона, затем на исцарапанные ноги. Не вязались эти детали друг с другом. То есть лицо с босыми ногами гармонировало, а комбинезончик был явно из другой оперы. Затем взгляд зацепился за длинную палку, что, словно дедовская берданка, торчала у девушки над плечом. Сразу наполнились живой памятью казарменные страшилки, что звучали в дортуарах после отбоя. Можно и к гадалке не ходить: палка выстрогана из неизвестного науке дерева.

– На метлу не зыркай, – предупредила девушка, и Влад обратил внимание, что говорит она, не разжимая плотно сжатых губ.

Вот, значит, каков враг, с которым империя сражается уже три сотни лет... Веснушки и свежая ссадина над бровью – неужто результат падения с космической орбиты? Вполне возможно, если вспомнить потрескивающие молнии между пальцев. Серьезная девочка... но почему-то совершенно не хочется выхватывать оружие, которого осужденному Кука-

шу иметь при себе не полагается ни в какой ситуации.

– Милости прошу в гости, – сказал Влад, указывая на открытый люк.

– Говорят тебе, нет там ничего, – сразу поникнув, ответила девушка. – Я смотрела, сдохла ступа, внутри одна мертвечина.

– Ты что, внутри хозяйничала? – взревел Влад и ринулся в рубку. Контрольные огоньки успокоили его.

О неблагоприятии сообщали лишь два сигнала: катер неверно ориентирован относительно твердой поверхности и потому не может взлететь, да входной люк заблокирован все той же нештатной поверхностью. Ну, не приспособлен межзвездный разведчик к посадке на планеты – слишком длинный, слишком тонкий, чтобы отнести жилые отсеки подальше от реактора, да и от носа корабля, где слишком сильно встречное излучение. А уж поднять его – задача и вовсе нереальная. Хотя, как говорят, бывали случаи, когда пилоту удавалось самостоятельно поднять катер с земли. При наличии искусственной гравитации вес не играет роли, остается управиться только с массой, и хотя инерция – штука упрямая, но человек порой еще упрямее.

Впрочем, Влад и не собирался предпринимать никаких шагов для своего спасения. Вот стихнет шторм, наладится связь, тогда Влад пошлет на базу гравиграммку, выслушает матюги дежурного лорда, а потом примется ждать спасателей. И ни у кого не возникнет ни малейших сомнений... ну

да, не стал смертник совершать трудовых подвигов, так на то и мудрость изречена: «Солдат спит – служба идет». А капитан Кукаш тем временем потолкует по душам с босоногой летуньей.

Чайка стояла возле распахнутого створа и наблюдала за действиями нового знакомого. Судя по всему, мил-дружок и впрямь не первый раз был внутри ступы. Он по-хозяйски оглядел огни на стенке, что-то слегка переменял в их расположении. Сквозь решетку на одном из выступов доносились неразборчивые механические хрипы. «Замолкни, дурак!» – прикрикнул мил-дружок, и наступила тишина. Слишком уж одновременно случились два эти события, чтобы объяснять их случайностью. Между тем хрипящая штука была так же мертва, как и все кругом, а магию, вздумай мил-дружок применить ее, первым заметил бы кракен, раскинувший лапы на полмира.

– Ты что, – настороженно спросила Чайка, – умеешь приказывать мертвым вещам?

– Ерунда, – отмахнулся Влад. – Он просто настроен на звук моего голоса. Вот и вся хитрость.

– Но ведь он мертвый, – словно маленькому, повторила Чайка очевидную вещь.

– И что с того? – мил-дружок в упор не желал понимать самых очевидных вещей. – Ты что же, только с живым дело имеешь? Так не можешь? – Влад поднял с пола сорванную с запретной двери пломбу, подкинул на ладони, поймал, раз-

жав кулак, продемонстрировал пломбу летунье.

– Так могу. Но для этого силы нужно – совсем ничего. А ты хриплую решетку голосом пришиб. И потом... – Чайка запнулась, но все же задала главный вопрос: – Я правильно поняла, что ты в этой скорлупе давно?

– Больше месяца.

– И кроме тебя тут не было ничего живого?

Влад кивнул, и кивок этот прозвучал для изощренного слуха кратким, но исполненным горечи «да».

– И падал сюда вместе с ней?

– Конечно.

– Но ведь я видела, как ступа маневрировала. И хорошо, между прочим, маневрировала, мне аж завидно стало.

– Это я маневрировал, а сама она, на автопилоте, может только простейшие маневры совершать.

– Вот и я о том! – закричала Чайка. – Мы ведь тоже на таких ступах летаем, но чтобы им приказывать, надо, чтобы она была живая! А твоя – умерла давно, сам же сказал: больше месяца. Как же она тебя слушалась?

– Она и сейчас слушается, только взлететь не может, для этого ее вертикально поднять надо. А так... – Влад, не сядя в кресло пилота, привел в действие сервомоторы биоманипулятора, и Чайка с ужасом увидела, как, чмокнув, распались запоры на внутреннем створе и язык ступы, который она так и не успела ампутировать, длинный, белый и смертельно опасный, вылетел из пасти, дрожа, завис над камня-

ми, метнулся в сторону и сорвал одиноко растущий цветок. Потом, изогнувшись петлей, ринулся к ней.

Чайка с трудом сдержала крик. В замкнутом помещении было некуда деваться от убийственного языка и нечем защищаться. Это была верная гибель, то, чего сестры боялись больше всего. Но язык, не коснувшись ее, замер в полушаге. Неимоверно истончившийся кончик языка сжимал сорванное растение.

– Подарок, – сказал мил-дружок.

Чайка медленно выдохнула и осторожно взяла цветок двумя пальцами. Цветок был ничем не примечательный, не содержал никакой силы, годной для волшебного зелья, да и лечебными свойствами похвастаться не мог. Совершенно бесполезное растение, но то, как он был подан...

– Испугалась? – спросил Влад. – Сейчас я его уберу.

Чмокнули запоры, язык исчез.

– Эта штука, – переводя дыхание, сказала Чайка, – она не живая, но и не совсем мертвая. Говорят, прежде кое-кто из сестер делал таких големов. Это всегда плохо кончалось. Нельзя с големами дело иметь. Ты ее убей, или давай, я убью.

– А с меня потом начальство голову снимет за порчу оборудования, – сказал Влад. – И вообще, ничего в нем нет опасного. Кремнийорганика, псевдобелковые структуры... – он замолк, исчерпав свои познания в области квазиживых систем.

– Этому тоже можешь приказывать? – спросила Чайка,

указав на артиллерийские батареи... Прорва косной, неодушевленной энергии, стократ больше, чем требуется помелу для полета, но все негодное, ибо мертвое не летает, а лишь падает.

– Могу и этому, только отчитываться придется, почему стрелял да зачем...

Уже второй раз мил-дружок упомянул некие недобрые силы, от которых он зависит. Значит, рано или поздно придется встретиться с этими... настоящими хозяевами. Мысль эта плотно легла в память, так, чтобы всякую минуту Чайка была готова ко встрече с неведомым врагом. Именно врагом, потому что всякий раз, когда симпатичный мил-дружок поминал эти силы, вокруг него ощутимо сгущалось темное облачко ненависти.

И хотя Владу Чайка ничего не сказала, он, словно подслушав тайную мысль, бесшабашно воскликнул:

– А, семь бед – один ответ! Смотри. Да не туда... вон, видишь, горка? Сейчас мы ей вершину поправим.

Одно неуловимое движение, и вершина, вздымающаяся на добрых полкилометра, обратилась в вулкан. Огненный смерч, опустошая окрестности, прошелся по соседним вершинам, раскалывая камень, сжигая и уничтожая все, вставшее на пути. Корабль ощутимо трянуло, сквозь распахнутый люк пахнуло жаром. Снаружи что-то горело, а на пульте тревожно замигали огни, извещавшие, что корабль подвергся нападению и задет выстрелом.

– Дела!.. – пробормотал Влад, сам не ожидавший такого эффекта от собственной стрельбы. – Красиво садануло.

– Впечатляет, – уклончиво согласилась девушка, заворуженно созерцающая катаклизм.

Лишь когда огонь снаружи начал стихать, Влад понял, что произошло. Плазменная пушка рассчитана на стрельбу в физическом вакууме, где она способна стрелять на многие сотни и тысячи километров. Гигантские орудия космических крепостей так и вовсе способны поражать цель, отстоящую на десятки астрономических единиц. Но здесь, в плотной атмосфере, плазменный заряд вызвал ионизацию воздуха уже у самых орудий, так что досталось не только горам, но и стрелку. Пальба в атмосфере из плазменной пушки оказалась страшным и самоубийственным делом. Дальность стрельбы уменьшилась в десятки раз, зато плотность огня возросла обратно пропорционально квадрату расстояния. Еще пяток таких выстрелов – и истребитель уничтожил бы не только все окрест, но и себя самого.

– Скажу, что едва не врезался при посадке и пришлось убирать помеху, – пробормотал Влад, разглядывая расколотую гору. – Потому и бил на полную мощность. А впредь мне наука: сначала думать, а потом палить.

– Это никогда не мешает.

Влад глянул на собеседницу и наконец задал простой и естественный вопрос:

– А как тебя зовут? Ну не подруженькой мне тебя кли-

кать-то.

Прежде среди сестер бытовало поверье, что знание имени дает недругу власть над тобой. Пустое суеверие – сам не позволишь, никто над тобой власти не возьмет. Но все-таки ведьмы неохотно называли свои имена. Однако разговор с хозяином мертвой ступы складывался так, что не ответить было просто неудобно.

– Чайкой меня зовут.

– А меня – Влад.

– А мил-дружок – что такое?

– Это вроде как у вас – подруженька. Ласково, да не очень.

Влад быстро перевел артиллерийские батареи в режим подзарядки, повернулся к Чайке.

– Ты знаешь, у меня ощущение, что мы с самого начала называли друг друга по именам.

– В общем-то так оно и было.

Чайка, по-прежнему стоявшая в дверях, осторожно кивнула в сторону пульта и спросила:

– Можно, я посмотрю его поближе? Я не стану... хозяйничать.

– Посмотри. Только не касайся ничего. Вообще-то здесь сенсорное управление, все настроено на меня, но мало ли...

Чайка подошла, наклонилась, словно обнюхивая приборы, а может, она и в самом деле обнюхивала их, Влад не разобрал. Зато он вплотную увидел метлу, на которую ему решительно запретили зыркать. Это действительно оказалась мет-

ла: пучок сухих веток, накрепко перевязанных грубой бечевкой и насаженных на длинную палку. Уже прорву лет люди не пользуются этим допотопным инструментом, и метла известна им лишь из волшебных сказок. Непременный атрибут злой ведьмы... «Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мясца поевши!» – смотри, Ивашка, как бы на обед не угодить...

– Не понимаю! – вынесла окончательный приговор Чайка. – Мертвый он, как есть. Тут просто некому приказывать. Как ты с ним управляешься?

– Да вот, получается как-то, – Влад пожал плечами. – Ты ведь тоже не только с живым дело имеешь. Ну, например... – Он хотел было указать на помело, но поостерегся и, запнувшись на мгновение, закончил фразу: – Например, комбинезон – живой?

– Одевка-то? – Чайка провела ладонями по бокам. – Живая, конечно.

Она щелкнула одежку по носу, та послушно сползла и свернулась у ног, недовольно сопя и поблескивая пуговками глаз.

– Да... – выдохнул Влад.

Смотрел он вовсе не на сброшенную одежку, а на то, какая она, Чайка, без одежды. Было в этом взгляде неприкрытое восхищение, радость и почему-то с трудом сдерживаемая жадность смертельно изголодавшегося зверя. Взгляд притягательный и пугающий одновременно.

Засмутившись неведомо чего, Чайка послала панический

сигнал одевке и перевела дух, лишь когда непроницаемая черная кожа привычно облекла ее тело.

– Такого я не ожидал, – произнес Влад, растирая лицо рукой. Очевидно, странное наваждение отпускало его медленно. Он помолчал немного, потом проговорил, словно пробуя на вкус имя: – Слушай, Чайка, давай присядем и расскажем друг другу все с самого начала. Кто мы такие и откуда здесь взялись.

– Давай присядем, – согласилась Чайка. Проиигнорировав приглашающий жест в сторону одного из мертвых предметов, она присела на корточки и начала рассказ: – Ты же видишь, я простая ведьма. – Влад кивнул, подтверждая, что он уже понял: его собеседница – самая что ни на есть простая ведьма. – Сегодня у меня первый вылет... неудачный. Только вылетела – тут кракен. Значит, надо несолоно хлебавши домой бежать. А помелу для нового вылета пятьдесят лет силу копить. Старухой буду... Вот я и погналась за тобой, потому что обида взяла. Я же не знала, что это ты летишь, думала – обычная дикая ступа, живая... теперь тут и останусь, пока не загнусь. Вот и вся моя история.

– Ясно... – протянул Влад. – То есть дело ясное, что дело темное. Значит, мы оба тут не по своей воле кукуем... На орбиту я тебя, положим, постараюсь поднять, а дальше уж и не знаю как. Планета твоя далеко?

– Какая планета? – искренне удивилась Чайка. – Планеты – это звезды бродячие, что по небу ходят. До них и в ступе

не долететь. А я на Земле живу.

– Так, это уже интереснее! – сказал Влад. – Дело в том, что я тоже с Земли прилетел. Родился там, вырос. Вот только ведьм у нас на Земле нет. В сказках рассказывается, что прежде были, а сейчас нет. И на метлах у нас никто не летает, а ты ведь на помеле сюда заявилась?

– На помеле, – согласилась Чайка.

– И как это все друг с другом согласуется?

– Слушай, а может быть, ты со Старой Земли? У нас рассказывают, будто раньше ведьмы на другой Земле жили. И там кроме них еще были люди – мужчины и женщины. А потом между простыми людьми и ведьмами вражда пошла. Многих сестер убили, а остальные собрались и улетели на Новую Землю. И где Старая Земля находится, никто уже не знает.

– Я знаю. У нас и сейчас живут мужчины и женщины, а вот ведьм, таких, чтобы летать умели и молнии с пальцев стряхивать, – ни одной.

– Конечно, мы же улетели, и сила с нами ушла. Слушай, я вот знаю, что женщины на ведьм похожи, только силы в них нет. А мужчины – кто такие? Хоть бы краем глаза посмотреть...

– Посмотри, – разрешил Влад.

– Так ты, что ли, мужчина? – догадалась Чайка. – А я-то гадаю: и на человека вроде похож, а какой-то не такой.

– Спасибо на добром слове, – Влад усмехнулся. – Все-таки

признали похожим на человека. А вообще, как вы без мужчин обходитесь, дети у вас откуда берутся? Сами, что ли, заводятся, от сырости?

– В капусте находим, – в тон Владу ответила Чайка. – А вообще, если колдунья захочет ребенка, то она идет к старшим сестрам, те у нее кровь берут, еще что-то, творят специальные заклинания – я их не знаю, это старушечья ворожба, – и потом у женщины рождается дочка. У некоторых сестер по тринадцать дочерей бывает, но это у тех, кто летать не может. Вот если бы я от кракена не сюда бросилась, а домой, то тоже пошла бы и завела себе дочку.

– Рано тебе о дочках думать, – не слишком искренне сказал Влад. – Погоди, разберемся с твоим кракеном, еще полетаешь.

– Кракен и сам скоро уберется, а вот помело у меня погасло, и заново его не разжечь. Одна всего змейка, а их надо помелу штук тридцать скормить, а без этого толку не будет.

Влад согласно кивнул, не вдаваясь в подробности. А что можно сказать? Пообещаешь девчонке помощь, а потом в дело вмешаются Мирзой-бек и гранд-майор Кальве... Уж они-то не станут выяснять, как молоденькие ведьмочки обходятся без мужиков, они с ходу за помело возьмутся. И держись, Чайка, – навеки тебе быть бескрылой.

– В наших сказках, – сказала Чайка, – мужчина обязательно или прекрасный принц, или великан-людоед. Людоедов побеждают, а в принцев влюбляются и потом живут долго и

счастливо.

– До принца я не дорос, – невесело пошутил Влад, – до великана – тоже роста не хватает. А что касается людоедов, то их и в настоящей жизни предостаточно. Мяса человеческого они, конечно, не жрут, но и добрей от этого не становятся. Им только на зубы попади, не выпустят.

– У нас то же самое. Едят друг друга поедом.

– Тогда давай думать. Может быть, можно метелку твою от реактора подзарядить, ну... от ступы?

– Не, я смотрела, там все мертвое, метла такого не ест. Ей бы звездчатки погуще или бирюзовицу.

– А сама ты что ешь? Тоже только живое?

– Ага, – Чайка улыбнулась, блеснув ровненькими зубками. – Особенно люблю по ночам у мужчин кровь пить...

Заметив, что Влад слушает с серьезным видом, она расхохоталась и произнесла, словно извиняясь:

– Я всякое ем: и вареное, и печеное. Ватрушка у меня знаешь какая знатная получается? Но живое, конечно, лучше. Некоторые сестры только живое и едят. Пауков глотают, мокриц, червей дождевых. Я пробовала червяков – невкусно. Пресные они, и земля на зубах скрипит; у них всегда земля внутри. А вот яблоки – люблю, и ракушки – морские гребешки.

– Яблок и гребешков не обещаю, – сказал Влад, старательно пропустивший мимо ушей менее аппетитную часть рассказа, – но рацион у меня не каторжный, а боевой, так что и

вдвоем с голодухи не погибнем. Давай обедать.

Сублимированные продукты на Чайку впечатления не произвели, хотя свою долю она подъела до последней крошечки. Влад смотрел на сосредоточенно жующую Чайку: «Все-таки она еще ребенок. Жить ей, по собственным ее словам, осталось недели две, ей бы сейчас метаться, пути к спасению искать, а она черт-те чем занимается, и на уме у нее прекрасные принцы и людоеды-великаны. Да и я хорош, нет чтобы сразу спросить, что ей известно о пси-векторе и как бы к моему поводку ключик подобрать... Хотя о пси-векторе она, скорей всего, и не слыхивала и кличет его каким-нибудь волшебным именем. Ребенок, право слово...»

Вслух он сказал:

– Кончится шторм – постараюсь взлететь. Авось сумеем и без помела, на моих скоростях, насобирать тебе звездчатки и бирюзовиц.

– Не насобираем. Кракен все подчистую сожрал. Разве что где-нибудь совсем далеко. И потом, ты же говорил, что взлететь не можешь.

– А я через «не могу» постараюсь. Катер-то исправный, но на боку лежит. Сумею его стоймя поставить – взлечу, не сумею – значит, не судьба.

– И всего-то? – удивилась Чайка. – Так я могу твою ступу хоть сейчас на попа поставить... – Она глянула в низкий потолок рубки и поправилась: – Нет, сейчас не могу. Кракен еще не ушел.

– А когда уйдет?

– Часа через три. Хотя кто его знает, инфернальные существа непредсказуемы.

Влад глянул на приборы. Пси-вектор стремительно падал, через три часа майор Кальве сможет подергать за поводок, а уж он никогда не откажет себе в этом удовольствии.

– Ладно, – бесшабашно сказал Влад, – раз ближайшие три часа мы все равно обречены на безделье, то давай отдыхать. На улице уже темень, ты, наверное, с ног валишься. Хочешь, устраивайся в кресле да спи. А я покараулю.

Ничего себе предложеньице – спать при постороннем! Чайка ажно подскочила на месте.

– Ну уж нет! Сам спи!

– Как знаешь, – Влад зевнул. – А я покемарю минут пятьток... – Он откинул кресло пилота, превратив в койку, повалился на него и затих.

Некоторое время Чайка сидела молча, настороженно вслушиваясь в тишину, стараясь понять, что происходит. Неужто и вправду спит, словно новорожденный малыш, вот так, в открытую, безо всякой защиты, при постороннем? Или это изощренная ловушка?

Очень осторожно, готовая мгновенно отпрянуть, Чайка коснулась сознания спящего. Влад действительно спал. Причем даже во сне он был недоволен, что спит в такую минуту, когда кругом пропасть дел и бездна нерешенных проблем. И все-таки он не мог проснуться, потому что она, Чайка,

в раздражении приказала ему: «Спи!» Приказала, даже не вкладывая в слова силы, ведь по-настоящему колдовать еще нельзя. И вот он спит, открытый, беспомощный, беззащитный...

Бедняга, как же он выжил-то до сих пор в этом мире, не стал легкой добычей первого встречного, не замкнулся в себе, не озлобился. Вон, сколько шрамов на душе, и всего страшней жуткий, незаживающий рубец. Это из-за него вокруг Влада то и дело сгущается непроницаемое облако ненависти.

Спящий вздрогнул, ощутив ее присутствие.

– Это я, – сказала Чайка. И навстречу ей сквозь шрамы и рубцы поднялась теплая радостная волна, лишь где-то совсем далеко глухо уркнул изголодавшийся зверь. Ведь это ему, а не ей сказал Влад: «Я покараую».

И этот человек, которого так была жизнь, еще способен улыбаться, радоваться, говорить о сказках, о прекрасных принцах и великанах-людоедах... Глупый прекрасный великан, попавший на зубы принцам-людоедам.

Чайка провела ладонью по покрытому испариной лбу, и Влад мгновенно открыл глаза.

– Кракен ушел. Больше спать нельзя. Сейчас сестры на поживу слетятся.

Влад вскочил, бросил взгляд на приборы, тихо ругнулся.

– Что-то не так? – спросила Чайка.

– Шторм. Гравитационных ударов вроде бы больше не бу-

дет, а фон страшный. За атмосферу носа не высунуть.

– Какой фон?

– Ну... – Влад запнулся, не зная, как объяснить. – Спо-лохи видишь? Мы чуть не на экваторе, а северное сияние в полнеба.

– Так это ветер! – Чайка чуть не добавила: «Что его бояться?» – но вовремя вспомнила, что это ей в непродуваемой одежке нечего бояться, а Влад в своих мертвых тряпках беззащитен даже перед такой мелочью и, значит, должен скрываться на этом островке.

– Ничего! – успокоила Чайка. – Управимся и здесь. Ну что, поднимать твою ступу?

– Давай!

Чайка легко выпорхнула из корабля, движением, напоминающим лучника, выхватывающего из колчана стрелу, коснулась метлы, и вдруг не стало девушки: над камнями, светясь голубым, зависла вражеская торпеда. Затем раздался треск, долгий скрежет, и восьмидесятиметровая игла галактического разведчика поднялась в воздух, замерла под нелепым углом и медленно выпрямилась, указав острием зенит.

Держать ступу на весу было невероятно тяжело, метла мгновенно сожрала единственную бирюзовицу и требовала еще, но больше не было ничего, и Чайка отдавала себя самой. Только незримая нить, оставшаяся между ней и Владом, позволяла ей держаться. И она увидела, как Влад, впившись пальцами в сияющие огни перед собой, слился в единое це-

лое с неодушевленным механизмом, и мертвая ступа ожила. Чудовищные мышцы налились силой, железы – ядом и огнем, бельмастые глаза – зоркостью. Ступу уже не надо было держать, она сама висела в воздухе, огромная, страшная, смертельно опасная.

На борту распахнулась еще одна пасть, о существовании которой не подозревал никто из сестер, и голос Влада позвал:

– Готово! Лети сюда!

Ни секунды не колеблясь, Чайка скользнула навстречу судьбе.

Глава 5

Торпеда высветилась на экранах задолго до того, как вошла в атмосферу.

– Летит, – сказал Влад.

Чайка кивнула, соглашаясь. Сама она видела совсем иную картину, чем вырисовывалась на мутном пузыре перед Владом. Летела Кайна, конечно, кто же еще, ведь она наблюдала падение ступы до того самого момента, когда кракен перекрыл всякую возможность наблюдения. И теперь Кайна была первой. Она летела, небрежно, боком, сидя на помеле, надменная красавица, в детстве нещадно шпынявшая Чайку, которая была на полтора года младше. И теперь она готова посмеяться над неудачницей, если та еще жива, или позлорадствовать над неостывшим трупом. Но прежде, конечно, ступа. Сияние, которое разливала ступа, недвижно висящая среди воздушного тумана, можно было различить за три дня пути, и немало сердец тревожно забилося, предвкушая удачную охоту. Но Кайна была первой. Она неслась, не считая нужным скрываться, и в левой руке, которая у всякой ведьмы главная, искрился конец тщательно сотворенного аркана.

– Что ж она делает, дура! – прорычал Влад. – Ведь прямо под выстрел прется!

– Стреляй!

– Нельзя! Сама говорила, там девчонка! Ее же в пыль раз-

несет!

– Она тебя не пожалеет! Стреляй, тебе говорят!

И вновь приказ, напоенный колдовской силой, был отброшен, словно ударившийся о стену мяч. Не верилось, что это тот самый человек, что покорно уснул от небрежно брошенного «Спи». Влад держал торпеду в перекрестье прицела, но никакая сила не могла заставить его нажать на гашетку. Злая и неумная, там была живая девчонка, и убивать ее было никак нельзя.

Дикая обида захлестнула Чайку. И еще – горькое, разедающее чувство, которое называлось незнакомым ей словом «ревность». Значит, Влад старался не ради нее! Точно так же он жертвовал бы собой ради любой встречной ведьмы, и так же смотрел с восторгом и нетерпением, и рассказывал о Старой Земле... А она, Чайка, тут и вовсе ни при чем, просто случайно подвернулась. А теперь летит настоящая хозяйка – красавица Кайна, и Чайка больше не нужна.

Кайна уже давно погасила скорость: запредельные ускорения и рывки хороши на больших расстояниях, а чтобы набросить аркан, надо подойти к ступе вплотную, сверхсветовые скорости здесь не годятся, а все решает обычная человеческая реакция и крепость нервов. Успеть отпрянуть вовремя или ударить самому, расчетливо, коротко и жестоко... Даже здесь преимущество в юркости помогает всаднице против неповоротливой ступы.

С яркой отчетливостью Чайка поняла, что сейчас про-

изойдет: кинутый бестрепетной рукой аркан пронизет мертвую броню и черной петлей ляжет на живое сознание Влада. Затянется, сожмет, калеча и разрывая мозг. Вот отчего тот жуткий, незаживающий рубец: однажды кто-то из сестер уже принял его ступу за обычного дикого зверя и набросил аркан, но Влад сумел сорваться и уйти. Говорят, что такое случается порой, что заарканенная ступа срывается. Но сейчас такого не будет, второго рубца Влад не переживет и погибнет в ту же минуту в страшных конвульсиях.

Чайка не думала, что вместе с Владом умрет, уже навсегда, и ступа, а значит, последняя ее надежда. Она просто не могла допустить, чтобы умер человек, который за несколько часов почему-то стал нужен ей. И когда Кайна с диким визгом на вираже метнула свой аркан, Чайка кинула навстречу собственное, наспех слеplенное заклинание.

Противостоять мощи хорошо подготовленного и подкрепленного силой помела заклятья Чайка не могла. Ее сбило с ног, ударило о стену рубки, но и бросок Кайны оказался неудачен, аркан не достиг жертвы. И в то же мгновение, когда происходила эта невидимая дуэль, ступа выплюнула длинный белый язык и словила наездницу, словно лягушка неосторожного мотылька.

– Вот и все, – весело сказал Влад. – Куда ее теперь?

Чайка поднялась, утерла кровь с разбитого носа. Получить по физиономии арканом – это не с высоты падать, тут никакое ведьминское умение не поможет. Глянула в сторону

противницы. Кайна, парализованная прикосновением наполовину живой, наполовину мертвой субстанции, висела на самом конце чудовищного языка. Точь-в-точь как давешний цветок. Будь биоманипулятор вполне мертвым, Кайна и не заметила бы его прикосновения. Будь он живым, первое же заклинание заставило бы его отдернуться, словно от ожога. Но кремнийорганическая, квазиживая система оказалась достаточно подвижной, чтобы схватить, и вполне косной, чтобы не подчиниться заклинаниям. И тогда уже не Кайна, а ее метла сделала единственное, на что была способна: отгородилась от мира непроницаемой завесой, сквозь которую хозяйку не достанет никакой враг, кроме разве что выплывшего из глубин инферно кракена. Но и сама Кайна не могла теперь применить даже самого легкого заклятья, так что единственное, что ей оставалось, – наугад бить злобно шипящими бирюзовицами, надеясь, что они сожгут псевдоплоть.

– Что с ней делать? – повторил вопрос Влад.

– Сюда тащи! – крикнула Чайка, пританцовывая от нетерпения. – В подарок!

Хотя несколько минут назад Чайка сама обращалась в такое же, не существо даже, а явление, Владу было страшно приближать к девушке окутанную электрическими разрядами сигару. Он втащил пойманную торпеду, стараясь отнести ее к дальней стене, но Чайка немедленно прыгнула туда. Извиваясь и крича, она танцевала немислимый танец, и было неясно, сама она так изгибается или ее корежат удары мол-

ний. Влад, закусив губу, следил за этой вакханалией. Он был готов при малейшем признаке опасности вышвырнуть гудящую сигару из корабля, но не мог понять, что происходит: гибель, пиршество или танец над поверженным врагом.

И вдруг молнии разом стихли, огненный ореол погас, лишь сама торпеда продолжала светиться, чуть слышно потрескивая. Чайка, пошатываясь, вошла в рубку. На лице ее застыло блаженство.

– Все. Обезоружила дуру. Ты знаешь, у нее бирюзовиц было больше шести десятков и два золотых птаха. А это такая вещь – чудо! Жаль, ты его увидеть не можешь.

– Подруженьку свою ты не очень помяла?

– Помяла, как же без того. Да ты не тревожься, я все помню, жива твоя любезная Кайна. Я ей даже кой-какую малость оставила, чтобы до дому добраться. А там – будет полвека силу копить для нового вылета. Она мне такую судьбу пророчила, да сама и напоролась. Так что не обессудь, но Кайны ты больше не увидишь.

– Век бы ее не видать, – проворчал Влад, утирая пот со лба. – Отпускать ее, что ли? Снова она не нападет?

– Нападет – ей же хуже будет, – сухо произнесла Чайка. – Отпускай.

Влад вынес торпеду за пределы корабля и разжал манипулятор. Этого, очевидно, пленница ожидала менее всего, потому что свечение погасло, и Кайна предстала в своем истинном виде. Модная посадка подвела ее, Кайна не удержи-

лась и грохнулась на землю с десятиметровой высоты.

– Ай-я-яй, подруженька, что ж так неаккуратно? – спросила Чайка, глядя на соперницу из распахнутой амбразуры. – И на чужую ступу этак с налету наезжать – нехорошо. Не ушиблась часом?

Кайна медленно поднялась, глянула вверх. Лицо ее казалось:

– Ты?!

– Я, подруженька. Вот видишь, теперь моя очередь тебе советы давать. Как ты говорила? «Поспешай, милочка, домой, рано тебе на метле кататься, поучись еще годик-другой. А не захотела – сиди теперь дома полвека, помелом половики чисти».

– Смейся, смейся... – глаза Кайны метали молнии, но на настоящую молнию сил уже не было. – Посмотрю я, что ты запоешь, когда старшие сестры узнают, что ты ступе язык не вырезала! С големом связалась, чернокнижница! Я ведь прямо в совет пойду!

– Давай! Ябедничать ты всегда была горазда. Ползи в свой совет, пока я тебе язык не вырезала. Поспешай, а то у меня руки чешутся...

С неразборчивым проклятием Кайна вспрыгнула на помело и исчезла во мгновение ока.

– Ничего себе – уползла! – восхитился Влад.

– Это она поначалу, пока запал не пропал, – откликнулась Чайка. – А вообще будет до дому дня три добираться. А как

ная бедничает старшим ведьмам, тут меня на расправу и потащат.

– Вот черт! А я-то думал, что хотя бы у тебя дела в порядок пришли.

– У меня они в полном порядке. Ничего мне старухи не сделают, я к твоему голему не прикасалась, значит, ни в чем и не виноватая.

– А что Кайну обобрала?

– Это дело обычное. На то мы и ведьмы, – философски рассудила Чайка. – Она бы меня обобрала еще и не так.

– Я вижу, у вас нравы не хуже наших... – Влад повернулся и обнаружил, что Чайки в рубке нет, хотя ее голос раздавался совсем рядом. Влад поспешно включил экраны кругового обзора. Чайка, зажав коленями метлу, кружила вокруг корабля, время от времени шлепая ладошкой по посеченной броне.

– Что ты там делаешь?

Чайка с довольным видом появилась в проеме амбразуры. Спрыгнула на пол, и метла мгновенно оказалась у нее за плечом.

– Я знаки ставила, – пояснила Чайка, – будто бы эта ступа мне принадлежит, будто бы я ее усмирила и теперь ее хозяйка. А то что же, нам с каждой встречной девкой драться? Так и неприятностей нажить недолго.

– А мое начальство эти знаки не заметит? А то я таких неприятностей огребу, что на десятерых хватит.

– Не должно. А в крайнем случае я их сниму. – Чайка присела на корточки в углу, уже ставшем для нее привычным, и продолжила, не меняя тона: – Давай теперь с твоим начальством разбираться. Очень почему-то хочется ему насолить.

Влад смотрел, и в голову пришла мысль, не посещавшая его уже много лет: взять бы карандаш и нарисовать, как Чайка уютно чувствует себя в этой страшно неудобной позе.

Потом он заговорил:

– Я даже не знаю, с чего начать. Я был пилотом в имперских войсках; у нас империя – над каждым человеком есть свое начальство, и все, в конечном счете, подчиняются императору. Хотя и император тоже скорее символ, так что я даже не знаю, есть ли у нас хоть кто-то вполне свободный. Государство при империи самодовлеющее и подчиняет всех.

– Кракен какой-то, – вставила Чайка.

– Во-во. Хотя скорее голем – живет, но сам не живой. И всех живых парализует. Но все-таки пилот – это не самое худшее, что может быть с человеком, я люблю летать, мне нравились сложные задания, и у начальства я был на хорошем счету. Но потом кто-то решил, что меня выгоднее использовать по-другому. Меня лишили всего, даже имени, даже права называться человеком. За каждый шаг мне теперь приходится отчитываться, и за всякое свободное движение меня наказывают унижением и болью. С минуты на минуту восстановится связь с базой, где сидят мои командиры, и весь этот ад начнется заново.

– Почему же ты их слушаешь? – очень тихо и очень серьезно спросила Чайка.

– У них есть способ заставить меня слушаться. Способ зверский, бесчеловечный, но, по счастью, не всегда работающий. Понимаешь, есть такая характеристика пространства – пси-вектор. Так вот, когда он повышен, они не могут до меня достать. А сейчас он уменьшается с каждой минутой. Кроме того, я знаю, что, когда пси-вектор повышен, торпедники – то есть ведьмы – не летают. Что-то у вас с помелом происходит.

– Сытое помело летает всегда, – твердо объявила Чайка.

– А вчера?

– Вчера был кракен. Взлететь я бы могла, но он сожрет сразу.

– А прежде? Вот, смотри, тут графики, не знаю, поймешь ли...

К удивлению Влада, в графиках Чайка разобралась с ходу, сказались занятия каббалистикой. Она перекладывала исчерченные листы, морщила нос, потирала ладонью ссадину над бровью, потом объявила:

– Кажется, я знаю, что это. В эти дни из глубин инферно выплывали адские жители. Вот, вчера, это был Великий кракен. Разумеется, мы не летаем в эти дни – кому хочется попасть на зубы исчадью зла?

– Не понимаю, – сказал Влад. – Какое еще инферно? В космосе нет никакого инферно. Повышается пси-вектор, и

повышается вероятность нервных срывов и космического психоза. Мы больше пятисот лет осваиваем галактику, но никаких адских жителей покуда не встретили, никто на зубы исчадьям зла не попадал.

– Мир, тот, что мы знаем, – словно младенцу, принялась объяснять Чайка, – состоит из земли, океана с островами и ада, о котором мы не знаем ничего, кроме того, что он есть. Где-то существует еще Старая Земля, но о ней никто не помнит, вот разве ты обещал показать...

– Что за средневековая космогония? – перебил Влад. – Добро бы вы одичали в своем захолустье и ничего о мире не помнили, но вы-то меж звезд летаете. Мы же с тобой в семистах парсеках от Земли встретились. Ну, вот это, потвоему, что? – Влад ткнул в экран кругового обзора.

Камеры, с которых подавался сигнал, были расположены на самом носу корабля, и вид оттуда открывался такой, что дух захватывало. Безымянная планета торопилась накручивать дни, и солнце, еще недавно бывшее за горизонтом, поднялось уже довольно высоко, короткая ночь кончилась. Сильный ветер гнал облака по изумительно аквамаринovому небу, сквозь которое нельзя было различить никакого намека на космос. На северо-востоке громоздился горный кряж, на краю которого упала ступа и где до сих пор дотлевал пожар, вызванный необдуманым выстрелом плазменной пушки. С других сторон начиналась холмистая степь, теряющаяся в дымке смазанного горизонта. Ничего живого на экранах

заметить не удавалось, падения двух межзвездных гостей и огненные забавы разогнали всю окрестную живность.

– Это остров, – уверенно ответила Чайка. – В океане много таких, каждый возле своего огня. Этот остров хороший, тут и дышать можно свободно, и ходить, а на других без помела и одевки минуты не проживешь. Все острова плавают в океане, тут мы с тобой и встретились. По одну сторону океана – Земля, по другую – ад. Что делается там, мы не знаем, оттуда еще никто не возвращался, а недавно старшие сестры попросту запретили туда соваться, и строго запретили, за нарушение этого запрета – сразу развоплощение, безо всякой пощады. Может быть, ты и прав, и никаких адских жителей нет, а есть только мертвый хаос, но то, что прорывается оттуда в космический океан, мы привыкли называть inferнальными существами. Все-таки проще думать, что имеешь дело с живым, чем с мертвым, которое умеет охотиться и убивать.

– Круто, – признал Влад. – Это выходит, какие-то другие пространства или вселенные? Похоже, что средневековая космогония у меня, потому что мы не знаем ничего, кроме космического пространства и... в общем – островов. И Старая Земля – это такой же остров, что и этот. Ну что ж, кое-что мы все-таки выяснили. Значит, ты говоришь, псивектор возрастает, когда происходит энергетический прорыв из inferно в наш континуум... – Влад перехватил удивленный взгляд Чайки и пояснил: – Это я перевожу твои слова на

свой язык. Обидно, что так получается, но учти: чтобы освободиться, я полезу не только в ад, но и вообще куда угодно.

– Это я уже поняла, – согласилась Чайка.

Они молчали довольно долго, потом Чайка спросила:

– А не может получиться так, что твои злодеи и сама империя, в которой никто не свободен, это просто еще одно проявление инфернальных сил?

– Нет, – Влад решительно покачал головой. – Это наше родное изобретение. Ад не может быть где-то, настоящий ад всегда в нас самих.

Глава 6

Передачик заработал через полчаса.

– Фига, Фига, отвечай базе, – зазвучал в рубке голос сквайр-лейтенанта Ногатых, сменившего на посту лорд-капитана Кутерлянда.

Издевательский позывной «Фига» придумал для осужденного Кукаша лично гранд-майор Кальве.

Влад приложил палец к губам, призывая Чайку к молчанию, и ответил:

– Осужденный Кукаш слушает.

– Почему молчишь, сволочь? Задницу заложило? Так я могу прочистить, – сквайр-лейтенант Ногатых, не имевший никакого отношения к землевладельцам старой Англии, умел и любил ругаться, а «задница» во всех падежах и синонимах была его любимым словечком.

– Связи не было, – коротко ответил Влад.

– Сейчас тебе такая связь будет, забудешь, как маму родную звали, – пообещал сквайр. – Докладывай обстановку.

– Шторм, – коротко сказал Влад. – Чрезвычайно много быстрых протонов в спектре. Совершил вынужденную посадку, сейчас лежу на брюхе.

– Я же тебя подняла! – воскликнула Чайка.

Влад замахал руками и лишь потом сообразил, что, пока Чайка не произносит слов вслух, штабные ее не услышат. Но

и того, что произнес Влад, было достаточно, чтобы привести Ногатых в ярость. Приходить в ярость сквайр-лейтенант умел превосходно, заводясь с полоборота.

– Тебе что было приказано, падаль? Маневрировать, уходить, в дрейф ложиться... а на планету садиться не сметь!

«Тебе бы там поманеврировать», – с ненавистью подумал Влад, но вслух произнес лишь:

– Связи не было. Гравитационные возмущения одно за другим шли.

– Что значит – не было связи?! – орал Ногатых. – Должна была быть! Просрал задание, говнюк! Вот, что теперь делать?

– Я собираюсь поднять корабль своими силами.

Влад сказал это, надеясь успокоить разбушевавшегося куратора, но добился прямо противоположного.

– Кретин! – взревел Ногатых. – Каким местом ты думал? Пси-вектор на нуле, чтоб ты у меня пернуть не смел, не то что корабль поднимать своими силами. Сиди и жди, пока за тобой прилетят!

– Слушаюсь, – хмуро сказал Влад.

– Раньше надо было слушаться, прежде чем на планету садиться. Теперь готовь жопу к порке, так всыпем, что навеки отучишься сидеть. Штанишки снять не забудь, засранец!

Особой темой в разговорах сквайр-лейтенанта было обсуждение того факта, что при наказании болевым шоком никто из истязаемых не мог сдержать некоторых физиологиче-

ских реакций, так что, в дополнение ко всему, осужденному потом приходилось чистить изгаженный комбинезон. Гранд-майор Кальве чрезвычайно любил сразу после применения поводка устраивать осужденным марш-бросок, так что спустя полчаса каторжники смердели, словно ходячая выгребная яма. Для Влада именно эта часть наказания была особенно мучительной.

Селектор донес удаленные голоса, затем Ногатых пропел в микрофон:

– А вот и папочка твой пришел... Гляньте, господин гранд-майор, что ваш подопечный натворил!

– Натворил – накажем... – очевидно, гранд-майор Кальве только что плотно отобедал и теперь находился в наилучшем расположении духа.

– Мало того, он еще собирается при нулевом пси-векторе запускать двигатель и взлетать с планеты самостоятельно!

– Значит, накажем сугубо.

– Господин гранд-майор!.. – взмолился Влад. Он хотел придумать какую-то отговорку, что склон ненадежен и корабль может быть засыпан оползнем, что в небе появились торпеды... Еще какую-нибудь ерунду, лишь бы Кальве не врубал поводок. Потом он, конечно, возьмет свое, но тогда рядом уже не будет Чайки, она не увидит всех гнусных и грязных физиологических подробностей, не услышит хрипа, неудержимой икоты, а быть может, и криков... Чайку надо избавить от этого зрелища во что бы то ни стало.

– Что, господин гранд-майор? – ласково переспросил Кальве, и Влад понял, что уж теперь поводок будет врублен непременно.

Чайка стояла в растерянности. Она не понимала звуков, издаваемых решеткой, но слышала ответы Влада, чувствовала его беспокойство и страх. Кого он боится? Мертвой штуковины, которую сам так недавно прихлопнул одной короткой фразой. Почему же он сейчас медлит? И Чайка решила прийти на помощь. Она набрала полную грудь воздуха, а затем громко и отчетливо произнесла:

– Замолкни, дурак!

– Что ты сказал?! – в два голоса вскрипел динамик.

Теперь терять было нечего. Оставалось спровоцировать Кальве на убийство и утешаться мыслью, что гранд-майору влетит за самоуправство.

– Сукой ты был, майор, сукой и остался, – произнес Влад в микрофон. – Мало я тогда тебе по морде врезал.

В следующую секунду пришла боль. Она родилась в позвоночнике, в самом крестце, словно приступ радикулита, поднялась вверх, обхватив ребра невралгической атакой, скрутила шею острым миозитом, отдалась в затылке и лишь затем разлилась по всему телу, так что уже нигде, по всей планете, во всей Вселенной не оставалось ничего, кроме неторопливой и безжалостной боли. Каждый палец скрючивало подагрой, всякий зуб пульсировал пульпитным воспалением, и любой оттенок боли существовал сам по себе, не

смешиваясь в единый вопль, а причиняя свои особые мучения. Можно было кусать губы и руки, можно кричать и корчиться, ничто не уменьшало боли и не отвлекало от нее. И даже потерять сознание, уйти в спасительное беспамятство было невозможно: поводок, врезавшийся в мозг, в самый болевой центр, держал не отпуская.

Всю силу воли, всю ненависть Влад кинул лишь на одно: не закричать, но на самом деле уже выл сквозь сжатые зубы бессмысленным звериным воем.

Целое мгновение Чайка, замерев, смотрела, как страшно сработало прежде безобидное заклинание. Черная смертельная струна перепоясала Влада, удавкой затянулась вокруг него, превратив в бьющийся комок боли. Это была не узда и даже не аркан, а что-то бесконечно грубое, варварское, предназначенное только для одного – причинять мучения. Сердце еще не начало отсчитывать второй удар, а Чайка метнулась и перехватила конец уродского бича, протянувшегося через океан. Она ожидала рывка и приступа боли, но руки, державшие противоположный конец, оказались на удивление гнилыми и не смогли оказать никакого сопротивления.

Влад кричал. Затянувшийся узлом конец удавки рвал его мозг, не позволяя ни мгновения передышки, убивая мучительно и верно. Легким толчком Чайка опрокинула Влада в небытие, заставив забыть себя и не чувствовать лишних страданий, а потом левой рукой принялась распутывать узел. Правой она удерживала бич, подавая на него слабинку, по-

тому что мерзавец, укрывшийся за океаном, продолжал подергивать свой инструмент, недоумевая, почему не слышит криков.

– Что там случилось? Сдох он, что ли? – спросил Ногатых.

– Не должен, – процедил Кальве. – Ну-ка, сквайр, глянь, какой там пси-вектор? Может, у меня поводок отказал?

Готово! Чайка скинула последнюю петлю, извлекла вонзившееся в душу черное лоснящееся жало, двумя пальцами обломившая его и брезгливо кинула прочь. Мгновенно сплела в уме самую причудливую узду, какую только смогла измыслить, повязала ее на конец дергающегося бича, затянула на самодав и украсила сверху кокетливым бантиком. Сейчас тот, кто мучил Влада, узнает, что такое настоящая боль. Чайка отпустила натянутую струну, и ее подарок скользнул на тот конец бича, за океан.

– Все в порядке, пси-вектор на нуле! – сквайр-лейтенант обернулся и замер с открытым ртом.

Гранд-майор Кальве плакал. По щекам катились мелкие, не приносящие облегчения слезы. Гранд-майор оплакивал свою бездарно загубленную жизнь, рыдал от безысходности и душевной муки. Чувство безвозвратной потери сдавило ему грудь, и самое страшное, что Кальве сам не мог сказать, что именно он потерял. Оставались только горе, тоска, мрак...

– Что с вами, господин гранд-майор?

Гранд-майор Кальве бился лицом о столешницу, без-

успешно стараясь заглушить угрызения совести, о существовании которой он не подозревал минуту назад.

Теперь из динамика доносились понятные звуки: один голос бессвязно бормотал, второй плакал. Чайка удовлетворенно кивнула и вновь повторила заклинание:

– Замолкни, дурак!

На этот раз заклинание сработало, а вернее, перепуганный сквайр-лейтенант Ногатых поспешно выключил связь.

Чайка обернулась к лежащему без сознания Владу. Тело его, только что сведенное судорогой, обмякло, сквозь полуприкрытые веки поблескивали белки закатившихся глаз. Как можно осторожнее Чайка коснулась души. Рубец, так испугавший ее в прошлый раз, зиял рваной раной.

Что же делать? Наложить самую мягкую, самую нежную повязку, заглушить боль, даже воспоминание о ней, и прошлая жуть никогда не вернется, и никогда не явится на свет темное облако ненависти. А у Чайки в руках окажется самая мягкая, самая нежная на свете узда. Влад станет тих, послушен, он ни на шаг не захочет отойти от нее, и, если она скажет: «Стреляй!» – он выстрелит без рассуждений. Из его разговоров исчезнут непонятные шутки, а из жизни – неведомая цель. А когда Чайка в следующий раз скинет одежку, в его взгляде не вспыхнет жадного восторга, Влад будет безразлично смотреть и ждать распоряжений.

Чайка сжала ладонями виски Влада, заглянула в невидящие глаза:

– Пожалуйста, справься с этим сам. Я очень прошу.

Влад вздохнул и застонал, приходя в сознание.

Минуту он бессмысленно смотрел в потолок, потом облизнул распухшие, искусанные губы и произнес:

– Надо же – жив. Не думал, что он меня отпустит. Отпустил... Боюсь, впрочем, ненадолго.

– Навсегда, – твердо произнесла Чайка. – А если он или кто-то другой снова явится и захочет набросить на тебя эту мерзкую штукювину, я его сразу убью.

– Ты что, сняла поводок?!

– Конечно, сняла! – страдальчески выкрикнула Чайка. – Дела там и на минуту нет, да откуда мне было знать, что на человека, как на дикого зверя, аркан наброшен? И ты тоже хорош – о каких-то векторах рассуждает, нет чтобы прямо сказать: на привязи я, помоги, мол!..

– Сняла поводок... – глупо улыбаясь, повторил Влад. – Ты волшебница, Чайка.

– Разумеется – волшебница, – согласилась Чайка. – Кто же еще?

– Я думал, добрые волшебницы бывают только в сказках.

– А у нас, – сказала Чайка, – все сказки обязательно про любовь. И я никак не могла понять, что это такое. А сейчас, когда они тебя мучили, я, кажется, поняла. Ты такой беззащитный, такой слабый... Мне так хочется защитить тебя, укрыть от всякой беды. Наверное, это и есть любовь?

Как бы хотел Влад услышать от девчонки, с которой он и

знаком-то всего ничего, слова любви! Вот только не в такой форме и не в эту минуту...

– Прости, – сказал Влад, – но ты не могла бы выйти ненадолго? Мне... надо вымыться.

– Конечно, – немедленно согласилась Чайка. – А хочешь, я дам тебе свою одежку? Она все вычистит как надо.

Глава 7

Утром следующего короткого дня они покинули гостеприимную планету, так и оставшуюся для них безымянной. Собственно говоря, было совершенно все равно, когда именно вылетать, но природа человеческая такова, что начало всякого дела удобнее приурочивать к утру. По пологой спирали корабль поднялся ввысь, и планета вскоре впрямь превратилась в островок, затерянный в безбрежном океане.

– И куда мы теперь? – спросила Чайка, замороженно следящая за чудом укрощения мертвой ступы.

– Не знаю. Куда-нибудь подальше. Меньше всего мне бы сейчас хотелось встречаться со своими, но боюсь, что меня не оставят в покое. Как бы генерал Мирзой не послал сюда «спасательную экспедицию», – последние слова Влад произнес с заметным сарказмом, – и если он выделит для этой цели корабли с торпедными ускорителями, то они будут здесь очень скоро. А я совершенно не хочу вступать в бой и вообще видеть их.

– И что делать? – это было не жалобное восклицание растерянного и беспомощного существа, а трезвый вопрос: что лучше всего предпринять в данной ситуации.

– Пока есть время – отлететь как можно дальше, а потом глушить двигатель и лечь в дрейф или, лучше, опуститься на какую-нибудь планету... на остров. Ты же сама

знаешь, с какого расстояния можно обнаружить включенный двигатель. А искать меня будут крепко, можешь не сомневаться.

– Зачем?

– Хотя бы для того чтобы спросить, как я снял поводок. Наши ученые считают, что это совершенно невозможно сделать.

– Скажи им, что это я сделала.

– Боюсь, что, если они узнают о тебе, нас начнет ловить весь имперский флот. Ведь война с торпедниками – то есть с вами – идет уже триста лет, и до сих пор о вас ничего не удалось узнать.

– Какая война? Мы ни с кем не воюем!

– Это вы так считаете. А они считают, что идет война.

– Ладно, с этим мы разберемся потом, а пока давай думать, куда ж нам плыть? Если бы твоя ступа была живой, я бы закрепила помело возле сфинктера, это вон там, в дальнем конце, – Чайка указующе махнула рукой, – и показала бы, что такое настоящая скорость.

– Если бы ты не была живой, – многозначительно произнес Влад, – я бы зажал торпеду манипулятором, закрепили ее в створе плазменного генератора, это вон там, в дальнем конце, – Влад скопировал жест Чайки, – и показал бы, что такое настоящая скорость.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Попробуем?

– Попробуем! Только без манипулятора.

– И без узды, – непонятно сказала Чайка.

Чайка протиснулась в технические помещения и через минуту крикнула оттуда:

– Готово!

– Сама оттуда отойди! – приказал Влад.

– Ты с ума сошел! Метлу в руках держать надо, а то ничего не получится.

– Во время работы двигателя сильно фонит.

– Ерунда, у меня одевка.

Влад поднялся, заглянул в оставшийся открытым люк. Чайки не было, над створом плазменного генератора висела торпеда.

– Дверь закрой поплотней, – услышал он голос Чайки. – У тебя-то одевки нет.

Влад задраил люк, вернулся в кресло пилота и включил тягу.

До сих пор Владу не приходилось иметь дело с торпедными ускорителями, а тренажер, даже с полной иллюзией достоверности, этой самой достоверности и не давал. Вселенная повернулась вокруг корабля. Звезды, до которых нужно было лететь много часов, а то и дней, набегали и оказывались за кормой в считанные минуты. И при этом Влад успевал заметить множество подробностей и мелких деталей, казалось бы невидимых на такой скорости. И знал, что может совершить любой маневр, затормозить и развернуться прак-

тически мгновенно. А ведь скоростным истребителям, оборудованным пленными торпедами, подобные виражи были недоступны, для них маневр начинался лишь на субсветовых скоростях.

– Летим? – голос Чайки звучал совсем рядом.

– Летим!

– А ты знаешь, ведь прирученная ступа таких скоростей не развивает.

– Наши корабли тоже.

– Это потому, что мы вместе летим, – последнюю фразу они произнесли одновременно.

– Какой остров ты выберешь себе? Хочешь вон тот? Добрый, приветливый островок...

Влад, не глядя на экран, понял, куда указывает Чайка, различил звезду и даже невидимую на экранах кислородную планету.

– погоди, – сказал он. – Сначала покажи мне Новую Землю.

– Ты разве не видишь? Смотри лучше!

Увиденное оказалось настолько ярким и неожиданным, что Влад непроизвольно охнул, вызвав у Чайки взрыв веселого смеха.

– Что, проняло? Смотри, смотри!..

Мир, только что казавшийся единственно возможным, вдруг превратился в подобие картинки, которую плоский экран тщится представить объемной. Зато взгляд теперь

проницал настоящий объем, истинную многомерную глубину, что так привлекала живописцев прошлого, дразнила и не давалась им. Что именно находится там, Влад рассмотреть не мог, однако ощущал безграничное пространство, ничуть не уступающее космосу, которому они все еще принадлежали. Но теперь, чтобы покинуть космический океан, достаточно было прорвать плотную, но проницаемую завесу, что до поры скрывала неведомый мир. Вернее, завес было две: одна – играющая беспокойными оранжевыми разводами, вторая – мерцающая ровной, спектрально-чистой зеленью. Плоская вселенная Влада была зажата между этими двумя завесами.

– Куда? – крикнул Влад.

– В зеленое! Там Земля!

Никогда еще ни один пилот не совершал такого виража, подобные кунштюки были доступны лишь неумной фантазии ведьм. Пелена взорвалась изумрудными сполохами, и Влад увидел Землю. Безбрежная бескрайняя даль, тянущаяся до горизонта и за горизонт, в бесконечность. Именно тот безбрежный простор, который должен быть на настоящей Земле. Гладко синело море, темным малахитом отсвечивали леса, дремучие, нехоженые... Заснеженные горы казались гравированными на фоне небес. И все это первозданное великолепие тянулось бесконечно, без границ и преград, – на север, запад, восток и юг.

Плотный ветер ударил Владу в лицо. Какой ветер? Даже на тысячекратно меньших скоростях любая, самая разрежен-

ная атмосфера покажется каменной стеной, о которую расшибется неосторожный корабль. Какие леса внизу, какое море, если проносишься быстрее, чем можешь заметить их, если обгоняешь самый свет? И все же ветер бил в лицо, а землю Влад видел сам, без помощи экранов, услужливо подстраивавших картину сверхсветового полета к слабому человеческому восприятию.

– Смотри! Смотри! – ликовала Чайка. – Это Земля!

– И там, что же, никто не живет?

– Там живем мы. По преданию, со Старой Земли улетело шестьсот шестьдесят шесть ведьм, а сейчас нас больше миллиона.

– Миллион человек на целую вселенную? Это меньше, чем ничего! Зачем же вы рветесь в океан?

Чайка рассмеялась, и смех ее слился со свистом ветра.

– Только там есть настоящая мощь! Здесь погасшему помелу, чтобы пробить завесу, надо копить силу полсотни лет, а там можно наловить бирюзовиц за каких-то два дня. А знаешь, сколько звездчатки слопала моя метелка, пока мы неслись через океан? Вы сотни лет живете там, но научились только переползать с одного острова на другой, вы не знаете, как богаты те просторы! И вообще, ведьма рождена, чтобы летать, а значит, мы не можем без океана.

– А что там? – Влад ткнул пальцем в вышину.

Бездонная голубизна глядела оттуда, чистая, без единого облачка; все облака ползали понизу. Тяжелое солнце, багро-

вез, опускалось к горизонту, по всей бесконечной Земле разом наступал вечер, но в небесах не было заметно еще никакой лиловости, они вздымались на непредставимую высоту, так что хотелось взмыть туда и узнать, что находится за пределом, положенным каждому Икару.

– Там небо.

– Это я вижу. Но что дальше, за ним?

– Не знаю. И никто не знает. Туда можно лететь сколько угодно, хоть всю жизнь, но никуда не прилетишь. А когда захочешь вернуться, то окажется, что Земля совсем рядом, просто ты улетел очень далеко от дома.

– Здорово! Сюда бы наших физиков, уж они бы помудрили с такой анизотропией, – Влад еще выговаривал последнее мудреное слово, а руки его сами, независимо от разума, включили торможение. Ступа дернулась и, вопреки законам физики, мгновенно погасила скорость, неподвижно зависнув в воздухе.

– Смотри, – сказал Влад. – Дым.

– Ну, дым, – согласилась Чайка. – Горит что-то.

– Это не пожар. Это дым от костра или из трубы. Там люди.

– Нет там никого. Если бы там творилось хотя бы самое слабенькое колдовство, я бы заметила.

– Там люди, – повторил Влад и направил ступу к земле.

Игла патрульного катера лежала на берегу небольшого озера. Она лежала здесь уже давно, молоденькие деревца,

проросшие вскоре после падения, успели вырасти и сплести свои ветви над тонким корабельным носом. Кормовая часть вросла в землю, в дюзы нанесло земли, и там ярко зеленел мох. Входной люк был широко распахнут, а рядом стояла приземистая деревянная хижина. Между этими двумя жилищами горел костер, на нем, в котелке, изготовленном из шлемофона, кипело какое-то варево.

Влад, отключив маршевый двигатель, опускал корабль на одних гравигенераторах, что было абсолютно невозможно во время шторма, когда гравитационные возмущения грозили превратить его в пар вместе с половиной планеты. Восьмидесятиметровая громада замерла, едва коснувшись травы. На самом деле корабль продолжал висеть, хотя со стороны казалось, что он стоит прочно и незыблемо. Чайка, давно уже в истинном виде стоявшая за спиной Влада, довольно кивнула. Очевидно, она тоже оценила изящество посадки.

Из хижины вышел старик. Судя по всему, он не слышал прибытия космического корабля и просто шел к котелку помешать свой суп. Но не заметить объявившуюся на берегу башню он не мог. Старик приставил ладонь козырьком ко лбу, словно намереваясь получше разглядеть свалившегося гостя, потом, спотыкаясь, поспешил навстречу. Изношенная до дыр форма пилота космических сил мешком болталась на тощей фигуре, на голове красовалась плетеная шляпа, напоминающая перевернутую корзинку, в руке зажата деревянная ложка, которой старик энергично размахивал.

Входной люк оказался почти на тридцатиметровой высоте, да и амбразура, через которую они выбирались раньше, сейчас была вознесена метров на десять. Сигануть с такой высоты – не проблема, а вот обратно не вспрыгнешь. На базе все есть: и гравитационный лифт, и обычный трап, а тут?.. Лишнего оборудования на истребитель не нагрузишь.

– Эгей! – крикнул старик. – Кто такие?

– лейтенант Кукаш, Седьмая опорная база, – отрекомендовался Влад, тихо надеясь, что старик не станет слишком пристально разглядывать его форму, на которой начисто отсутствовали знаки различия.

– лейтенант Якобсон, Первый истребительный флот! – старик поднес два пальца к корзинке, заменявшей шлем.

Охотник за торпедами! Тогда ясно, как его сюда занесло.

– Спускайтесь вниз! – крикнул старик, призывно взмахнув ложкой. – У меня как раз готов обед!

– Легко сказать – спускайтесь, – пробормотал Влад. – А обратно как?

– Обратно – я подниму, – тихо подсказала Чайка.

– Эх!.. – Влад огорченно махнул рукой и прыгнул.

Земля встретила его на удивление мягко. Очевидно, и здесь Чайка подстраховала слабое и беззащитное существо.

Сама Чайка спланировала, даже не прикоснувшись к помелу.

лейтенант Якобсон приблизился к ним. То, что сверху казалось спотыкающейся на каждом шагу походкой, вблизи об-

ратилось в бодрую старческую припрыжку. На лице отшельника не отражалось ни удивления, ни восторга при виде спасителей, лишь живейшая радость, вызванная приступом гостеприимства. И только опытный взгляд мог заметить в глубине глаз сумасшедшинку, объясняющую все.

– Мадмуазель! – воскликнул престарелый лейтенант, вновь поднося два пальца к головному убору. – Вам уже говорили, что вы прекрасны?

– Нет, никогда, – серьезно ответила Чайка.

– Значит, я буду первым. А вам, лейтенант, должно быть стыдно. Почему я, пожилой человек, должен говорить комплименты вашей даме?

– Я постараюсь исправиться, – улыбнулся Влад.

– Я как знал, что сегодня будут гости, – бормотал бывший истребитель торпед, непрерывно совершая приглашающие пассы в сторону костерка. – Похлебка получилась просто праздничная! Представляете, вчера в силки попали разом два кролика! То есть это, конечно, не совсем кролики, но я их так называю. Представляете, разом два! И я обоих сварил, все равно ведь испортятся. А тут как раз вы. Представляете, как удачно? Вы обязательно должны отведать супа. Это вам не боевой рацион, это настоящее! Пам-тирам-пам!

– Мы непременно отведаем вашего супа, – согласилась Чайка.

– Простите, лейтенант, а вы давно тут один? – спросил Влад.

– Порядком, – старик засуетился, засучил рукав комбинезона, глянул на экранчик наручного компьютера. – Сейчас доложу точно, у меня во всем порядок... Так-так... Я здесь один ровно шестьдесят три года, девятнадцать дней и... пятнадцать с половиной минут.

– Все-таки помело лучше, – уверенно произнесла Чайка. – Вы могли бы улететь отсюда уже тринадцать лет назад.

– Улетать отсюда? – воскликнул Якобсон. – Зачем? Кем я был там? лейтенантом! Одним из миллиона лейтенантов имперского флота. А здесь я все! Представляете? Все вокруг существует для меня! Этот закат... О! Сегодня он для нас троих, это прекрасно, это вносит разнообразие в жизнь, но вчера он был только для меня. Для меня наступает весна, для меня гремят грозы и цветут цветы. Для меня кролики плодятся в кустах. Если бы не я, кто радовался бы красоте, кто одушевил бы все это, пам-тирам-пам?

– А ведь он прав, – сказала Чайка так, чтобы слышал только Влад.

Старик бросился в хижину, вынес оттуда три глиняных миски.

– К столу, к столу, – приговаривал он, хотя никакого стола не было и в помине. – Никаких разговоров, иначе кролики переварятся и будут уже не такие вкусные. Мадмуазель, я положу вам вот этот кусочек. Я понимаю: фигура, диета, но сегодня – никаких диет! лейтенант, почему вы не кушаете? Ах, да – ложка! Вот она. Кстати, вы заметили, что у ме-

ня три миски? Представляете? Ровно три, хотя мне вполне достаточно одной. Видимо, я догадывался, что у меня будут гости, и сделал три миски. Я вижу в этом глубокий смысл, вы не находите, лейтенант?..

Кролик действительно оказался вкусным, особенно после сублимированного боевого рациона. Закат отгорел для всех троих, на потемневшем небе высыпали огромные, с кулак, звезды. Некоторые мерцали неподвижно, другие заметно двигались. И тех, и других было очень много.

– Видишь, это планеты, – сказала Чайка.

– И до них не долететь?

– Никак. Я же рассказывала.

– Я вот что думаю... Может быть, здешнее небо – просто еще одна пелена, отгораживающая новую, неведомую покуда вселенную. Вселенную за голубой гранью. Инферно – за оранжевой, Новая Земля – за зеленой, а наш мир, – он ведь желтый, правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.